

— Тот, кто прислал меня сюда, попросил, госпожа, поприветствовать вас от его имени и не отходить от вас ни на шаг, пока я не передам слова его клятвы: пусть Господь Бог накажет его жестоко, ежели рыцарь вернется ко двору короля Артура прежде, чем отомстит за пощечину, нанесенную вам из-за него.

ММММ
LXXII

ут, услышавший
эти слова, вскочил и радо-

стно прокричал:

— Мессир Кей, да будет благословен Господь! Вы расплатитесь за все, и это случится очень скоро!

Когда шут умолк, король добавил:

— Ах, Кей, ты грубо обошелся с молодым человеком, посмеявшись над ним! Из-за твоей злобной шутки я лишен его общества и думаю, что больше никогда не увижу этого юношу.

ММММ
LXXII

король тяжело вздохнул.

Мы-то знаем о ком: о странствующем валлийце. И конечно же, он не отправил в тюрьму своего пленника, а лишь попросил, чтобы рыцаря разоружили. После чего король Артур усадил Гордого Лаландера за стол напротив себя. Монсеньер Гавейн, сидящий справа от короля, спросил:

— Во имя Господа, сир, поведайте, как зовут человека, сумевшего силой своего оружия одолеть такого знатного рыцаря? Клянусь, что ни на одном из наших островов я не слышал об этом отчаянном смельчаке и не встречал никого, кто б мог сравниться с ним в храбрости и благородстве.

— Дорогой племянник, имя его, увы, неизвестно, — отвечал король, — хотя он был здесь. Когда я увидел юношу, мне даже в голову не пришло разузнать о нем что-либо. К тому же он сразу попросил произвести его в рыцари, что меня сильно озадачило.

Отметив, что молодой человек пригож и изящен, я сказал ему: «Друг мой, извольте слезть с коня: сейчас вам принесут позолоченные доспехи». А он ответил, что не примет их и не спешится, прежде чем не получит красные. Гордец пожелал взять только те доспехи, что носил рыцарь, отнявший у меня золотую чашу.

А Кей, который всегда был сварлив и останется таковым до смерти, сказал ему: «Брат мой, король предлагает тебе доспехи, ты должен добыть их, если сумеешь». Тот, приняв слова сенешаля за чистую монету, погнался за Алым Рыцарем и, настигнув, сразил его. Мне неизвестно, из-за чего начался их поединок и чем именно кончился.

Возможно, Алый Рыцарь из Кенкеруанского леса, обезумев от гордыни, ударил юношу копьем, а в ответ молодой человек метнул дротик прямо в глаз наглецу и, покончив с ним таким образом, забрал себе доспехи. После случившегося юный незнакомец преданно служит мне, время от времени посылая сюда побежденных им знатных рыцарей.

Во имя монсеньера святого Давида, которого почитают в Галльской стороне, я не буду ночевать две ночи подряд в одной и той же спальне,

пока не увижу юношу снова. Где бы он ни был — на море или на суше, — я отыщу его, немедленно отправившись в путь!

ММММ
СХЛІ

ак только король

произнес эту клятву, все поняли, что пора собираться в дорогу. Ах, если б вы могли видеть, как укладывались в сундуки простыни, одеяла, подушки; как заполнялись ящики; как нагружали слуги вьючных животных; как затем размещали добро на повозках и тележках, поскольку придворные вознамерились взять с собой шатры всевозможных размеров!

Самый умный и образованный прислужник не сумел бы перечислить все, что готовилось к отправке. В сопровождении своих рыцарей король покидал Карлион так, словно собрался на войну. Не было и такой придворной дамы, которую не взяла бы с собой королева, дабы придать своему кортежу роскошь и блеск.

лагерь расположился на поляне рядом с лесом. Ночью резко похолодало, а к утру выпал снег, ибо край, о котором идет речь, был довольно суровым.

Персеваль, по воле случая оказавшийся неподалеку, встал рано: он искал новой возможности совершить рыцарский подвиг. А потому — направился прямо к заснеженной поляне, где расположилась королевская армия.

Но еще до того как юноша приблизился к шатрам, над ним промчались дикие гуси, ослепленные сверкающей белизной снега. Сначала он слышал тревожный шум крыльев: гуси с гоготом улетали от сокола, который их преследовал. Сокол вскоре настиг отставшего от стаи гуся и с такой силой ударил его клювом, что тот камнем упал на землю.

Несмотря на то что гусь был еще жив, сокол улетел, не попытавшись добить его. Персеваль прищпорил коня и направился прямо к раненой

птице. Три капли крови, скатившиеся с длинной шеи гуся, окрасили белый снег.

Птица была не так тяжело ранена и не так сильно страдала, чтобы остаться лежать на снегу. Она улетела, прежде чем Персеваль к ней приблизился.

ММММ
СХСІV

огда юноша заметил

на снегу кровь, алевшую там, где лежал гусь, он подъехал еще ближе и внимательно взгляделся. Алая кровь и снежная белизна напомнили ему цвет лица его возлюбленной. Поглощенный мыслью о ней, Персеваль застыл: румянец, вспыхнувший на его бледном лице, был таким же ярким, как свежие капли крови, окрасившие первый снег.

Валлийцу, зачарованному этим зрелищем, померещилось, что он видит прелестное лицо своей подруги. Так, не отводя глаз от крови на снегу, Персеваль, словно замороженный, простоял целое утро.

Слуги короля, выбежавшие из шатров, за-
стали его погрузившимся в грезы. В тот миг они
решили, что он просто-напросто заснул в седле.

ММММ
ССХVI

ше не разомкнул

своих век дремлющий король

Артур, а слуги уже заметили возле королевско-
го шатра Сангремора, прозванного Безумцем.
И надо сказать, что состояние его духа вполне
соответствовало этому прозвищу. Он спросил:

— Что за странная суета? Почему вы под-
нялись так рано?

— Сир,— отвечали слуги,— возле лагеря
мы увидели рыцаря, спящего в седле.

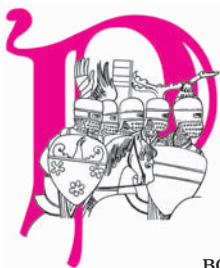
— Вооружен ли он?

— Да, сир.

— Ну так я пойду переговорю с ним и при-
веду его сюда.

Но вместо этого Сангремор подбежал к ко-
ролевскому шатру.

— Сир, — громко завопил он, — там, на поляне, спит неизвестный рыцарь!

ММММ
ССХХХIV

азбуженный этими

воплями, король не сразу сообразил, в чем дело. Но, выслушав не раз и не два путанные объяснения Сангремора, он приказал ему немедленно отправиться к рыцарю и доставить незнакомца в шатер. Сангремор, в свою очередь, потребовал боевого коня и, конечно, оружие. Все было исполнено.

Безумец надлежащим образом вооружился и быстро вскочил на коня. Спустя мгновение он выехал из лагеря и направился прямо к рыцарю. Персеваль стоял на том же месте и даже не шелохнулся, когда Сангремор к нему подъехал.

— Сударь, — обратился Безумец к Персевалю, — вам надлежит явиться к нашему королю.

Рыцарь ничего не ответил, как будто не слышал слов Сангремора. Тот повторил свое требо-

вание, но ответом ему было молчание. Разозлившись, Сангремор заорал во всю глотку:

— Клянусь святым апостолом Петром, вы пойдете со мной, даже если хотите противоположного! И коль я обратился к вам вежливо, то жалею об этом, ибо вежливость моя неуместна!

Подняв свой штандарт, он пустил коня рысью и, отъехав на приличное расстояние, крикнул рыцарю, чтобы тот защищался, а иначе он, Сангремор, ударит противника без предупреждения.

В это мгновение Персеваль очнулся и заметил мчащегося на него всадника. Выхватив копьё, юноша ринулся навстречу противнику. При столкновении копьё Сангремора сломалось, а копьё Персеваля, оставшись целым, мгновенно сразило Безумца, и тот свалился в сугроб. Громко заржав, конь Сангремора галопом помчался к лагерю.

Проснувшиеся придворные были изрядно удивлены тем фактом, что конь вернулся напуганным да к тому же — без седока. Некоторые из них даже опечалились, предположив недоброе. И только сенешаль Кей, как всегда, не удержался от злобной шутки. Придя в самое веселое расположение духа, он прокричал, обращаясь к королю:

— Дорогой сир, посмотрите, в каком виде возвращается Сангремор! Сдается мне, он ведет рыцаря, держась за повод его коня, и тащит несчастного силой.

— Кей, — отвечал король Артур, — не пристало вам смеяться над дворянами. Ха! Коль вы так смелы, ступайте за рыцарем сами, а мы тем временем поглядим, что у вас получится.

— Сир, — усмехнулся сенешаль, — я счастлив, что вы направляете туда меня, а не кого-либо еще. Чужак будет здесь, хочет он того или нет, и я заставлю его назвать свое имя.

ММММСС
LXXIX

ей вооружился, как

подобает рыцарю, вскочил на коня и направился к тому, кто по-прежнему был поглощен созерцанием трех ярких капель крови на белоснежном снегу.

К апли крови на белом за-
жглись снегу, и о нежной
возлюбленной вспомнил
ты. Знай: Разлука всегда у Люб-
ви в долгу, потому что ладоны
ее пусты. Зверь таится за каж-
дым горбом, кустом; то ль ми-
раж впереди, то ли гор гряды...
Обещает Разлука: «Потом, по-
том...» А Любовь вопрошает:
«Скажи, когда?» У Разлуки все-
гда на уме побег, испытание
битвой, волной, огнем. Но в
ответ ей Любовь пробивает
снег, земляницей пурпурной го-
ря на нем.

Остановившись чуть поодаль, Кей прокричал ему:

— Эй, вассал, тебя ждет король! Ты пойдешь к нему немедленно, или дорого заплатишь мне за отказ!

Персеваль, услышав, что ему угрожают, повернул своего коня и пришпорил его. Горя желанием победить, рыцари набросились друг на друга. И вот, представьте, Кей с такой силой и злобой нанес удар, что его копье сломалось, как тростинка.

Что касается Персеваля, то он от всей души ударил копьем в верхнюю часть щита противника, и Кей тотчас же свалился с лошади на свежесвыпавший снег. Рухнул он, прямо скажем, неудачно, поскольку ключица оказалась вывихнутой, а предплечье правой руки сломалось, хрустнув, как сухая осиновая ветка, что и предсказывал шут.

Итак, пророчество королевского паяца сбылось. Бедняга Кей от боли лишился чувств, а конь его ускакал напрямик к шатрам.

ММММ
СССХХ

ретоницы, убигев,

что лошадь возвратилась без всадника, толпой кинулись к сенешалю. Бежали все: и слуги, и дамы, и рыцари. Найдя Кея лежащим без сознания, они подумали, что он убит. Я не в силах описывать, как причитали придворные, выказывая свое горе, пока раненый сенешаль не застонал, приподняв голову.

А Персеваль вновь погрузился в мечты, вперивши взор в три капли крови на снегу и опершись на свое копье.

Короля конечно же огорчило ранение сенешаля. Правитель пребывал во власти гнева и печали до тех пор, пока ему не доложили, что беспокоиться не о чем, поскольку «сенешаль полностью оправится при условии, что найдется сведущий врач, который вправит ключицу и залечит перелом кости».

Король Артур, привязанный сердцем и душой к своему любимцу, немедленно послал к нему опытного врача и трех девушек-помощниц. Они

ловко вправили сенешалю ключицу и наложили повязку на руку. Затем сенешалья перенесли в шатер короля, заверив, что спустя некоторое время Кей будет абсолютно здоров.

ММММ
ССС&LIX

Когда тревобления
улеглись, монсеньер Гавейн сказал королю:

— Сир, как правда то, что я прошу Бога о милости ко мне, так правда и то, что нельзя (и вы всегда придерживались этого правила) отрывать рыцаря от его размышлений, как посмели сделать двое ваших посланцев. Ничего не могу сказать о степени их виновности, но знаю, что с ними случилось несчастье, уж это точно.

Рыцаря, не пожелавшего вам представиться, возможно, постигло ужасное горе, или его разлучили с любимой. Вот он и впал в тоску, из которой не может выйти.

Если вы настаиваете, я пойду к нему и посмотрю, чем он сейчас занят. Коль состояние незнакомца покажется мне благоприятным, я попрошу его незамедлительно к вам явиться.

ММММ
СССЛХХ

слышав эти слова, Кей,
уже вполне пришедший в себя, побледнел от
злости:

— Ах так, монсеньер Гавейн,— завопил
он,— вы, значит, притащите этого рыцаря за
руку, несмотря на его упрямство! Прекрасный
финал, если, конечно, чужак вам позволит и если
то в вашей власти. Подобным образом вы одо-
тели уже множество смелых рыцарей.

Только дворянин, уставший от совершенных им
подвигов, может допустить, чтобы его пленили.

Гавейн, будь я трижды проклят, если вы не
сошли с ума: ничего дельного от вас не услышишь!
Вы отлично умеете превозносить себя; ах, как
приятны и учтивы ваши слова! Уж вы-то не ста-
нете разговаривать с этим рыцарем свысока, при-
бегая к резким и оскорбительным выражениям.

Будь проклят тот, кто когда-либо доверится вам, начиная с меня самого!

Безусловно, вы сможете выполнить свою миссию, облачившись в шелковое платье. Нет, вам не придется вынимать меч из ножен и ломать копья. О, вы справитесь с поручением, если у вас хватит любезности сказать: «Сир, да сохранит вас Господь и даст вам радость и здоровье!» Тогда незнакомец, может быть, соизволит исполнить ваше желание.

Я говорю это не для того, чтобы вас поучать. Конечно, вы сумеете его приласкать, как порою ласкают кошку, а окружающие будут говорить: «Монсеньер Гавейн победил в жестоком бою. Хвала ему и слава!»

— Послушайте, сеньор Кей, вам следует быть поучтивей! Почему вы решили, что можете изливать на меня свой гнев и плохое настроение? Я приведу сюда рыцаря, если сумею, любезный друг, и рука моя будет цела, и ключица не вывихнута, ибо мне не по душе такие подарки.

— Сделайте это ради меня, племянник, — улыбнулся король. — Клянусь, ваша речь показала мне убедительной! Доставьте сюда рыцаря, если получится, но все-таки захватите с собой оружие, — без него я не отпущу вас.

ММММ
СДХVIII

вооружился тот, кто

слыл воплощением добродетели и кого привыкли считать миротворцем. Он вскочил на сильного, послушного коня и поспешил прямо к рыцарю, который, опершись на копье, без устали упивался воспоминаниями, хотя солнце уже высушило на снегу две капли крови, а третья вот-вот должна была испариться.

И, вероятно, по этой причине рыцарь уже не так сильно был углублен в свои грезы. Монсеньер Гавейн, медленно подъехав к нему, произнес мягко и без всякого чванства:

— Сударь, я осмелился бы поприветствовать вас, если бы знал ваши мысли так, как знаю свои. Но скажу только одно: я — посланник короля Артура, который посредством моих уст умоляет вас явиться к нему в шатер.

— Ко мне уже подходили двое, — отвечал Персеваль. — Они оторвали меня от приятных воспоминаний, намереваясь увести с собой, буд-

то я — пленник, и тем нарушили течение мыслей, дарующих радость и усладу.

Совершившие такое, не желали мне добра, ибо здесь на снегу я увидел три капли крови. Когда я глядел на них, мне казалось, что передо мной прекрасное лицо моей возлюбленной, и я не хотел, чтобы в этот миг меня отвлекали.

— Безусловно, — подхватил монсеньер Гавейн, — ваши мечты не содержат зла: они приятны и нежны. Надо быть либо сумасшедшим, либо очень самонадеянным, чтобы отрывать вас от чудесных грез. Но я горю желанием узнать, что вы намерены делать дальше. Если не возражаете, я могу охотно сопровождать вас к моему королю.

— Но сначала ответьте, любезный друг, — попросил Персеваль, — находится ли там Кей, сенешаль?

— Воистину так! Добавлю: именно он недавно сразился с вами. Признаться, поединок стоил ему дорого, ведь вы, хотя вам это, видимо, неизвестно, сломали сенешалю правую руку и вывихнули ключицу.

— Стало быть, я сумел отомстить наглецу, — возрадовался Персеваль, — за девушку, которую он ударил!

ММММCD
LXXVIII

слышав эти слова,

монсеньер даже подпрыгнул от удивления:

— Сударь, — воскликнул он, — Бог мой, вы — тот человек, которого хотел разыскать король! Скажите, как вас зовут?

— Персеваль! А вас, любезный сеньор?

— Знайте, сударь, что при крещении меня нарекли Гавейном.

— Гавейном?

— Воистину, сударь.

Персевалья необыкновенно воодушевило имя его собеседника.

— Монсеньер, — сказал он, — я наслышан о вас и желал бы стать вашим другом, если, конечно, вам это будет не в тягость.

— Разумеется, нет, — ответил монсеньер Гавейн, — я безмерно рад и думаю, что радость моя превышает вашу!

— Вот со славой и честью возвращается монсеньер Гавейн, ваш племянник. Сдается мне, не так уж опасна и тяжела была эта битва, если он выглядит таким же бодрым и свежим, как в миг своего ухода.

Не сомневаюсь, что ваш Гавейн не получил ни единого удара копьем и не нанес ни одного со своей стороны, уж можете мне поверить. Теперь сей отчаянный смельчак по праву гордится своей победой. О да, его ждет заслуженное признание, ибо этому миротворцу удалось то, чего не смогли мы, использовав всю свою храбрость и силу.

ММММО
ХХХIV

аким образом Кей

весьма красноречиво выразил свои истинные чувства, как, собственно, он всегда и делал.

Что касается монсеньера Гавейна, то рыцарь захотел привести к королю своего нового друга разоруженным и нарядно одетым.

Они зашли в шатер, где один из оруженосцев Гавейна достал из сундука прекрасное одеяние и почтительно подал валлийцу. В роскошном камзоле и чудесном плаще, пришедшимся ему впору, держа за руку Гавейна, Персеваль приблизился к королю.

— Сир, — произнес монсеньер Гавейн, — я привел вам того, кого, насколько мне известно, вы мечтали увидеть в течение вот уже пятнадцати дней; того, о ком вы так много и пылко рассказывали. Теперь этот рыцарь здесь, перед вами!

— Дорогой племянник, благодарю вас! — воскликнул король. Справедливо считая эту встречу чрезвычайно важной, он встал и торжественно обратился к Персевалю:

— Добро пожаловать, сударь! Не могли бы вы назвать свое имя?

— Воистину, — отвечал Персеваль, — от вас я не стану скрывать его, сир! Зовут меня — Персеваль Галлиец.

— Ах, Персеваль, дорогой друг! теперь, когда вы прибыли к моему двору, вы уже ни за что его не покинете. Во всяком случае, таково мое королевское желание. Признаться, я очень о вас горевал все это время.

Когда вы предстали передо мной в первый раз, я не смог предугадать славной судьбы, уго-

тованной вам Господом, не поверил предсказаниям моего шута и девушки, получившей пощечину от сенешаля Кея. Но вы замечательным образом подтвердили их пророчество, поскольку мне уже давно поведали о ваших славных подвигах и благородных поступках.

ММММО
LXXIX

эту минуту в

шатер вошла королева, узнавшая о приходе рыцаря. Как только Персеваль увидел ее в сопровождении девушки, за которую он заступился, рыцарь шагнул навстречу дамам и, почтительно склонившись, сказал:

— Да вознаградит Бог радостью и почестями самую прекрасную, самую добрую из дам, живущих на этом свете, как о том свидетельствуют глаза, глядящие на нее сейчас и видевшие ее ранее!

Королева ответила:

— Добро пожаловать, рыцарь, проявивший столь великую отвагу и благородство!

Затем Персеваль поприветствовал девушку, которая в свое время засмеялась, увидев его. Он встал на одно колено, поцеловал край ее платья и сказал:

— Прекрасный друг мой! если вы в том нуждаетесь, я стану вашим рыцарем, готовым защищать вас от любого зла.

Девушка поблагодарила его так нежно, что Персеваль зарделся от счастья.

Все уже свершилось, замкнулся круг. Ни к чему по тропам скакать, пыля. Нынче есть у рыцаря верный друг, а еще признательность короля. Ты сберег достоинство, силу, честь, — значит, можешь вволю попиловать. Но всегда приходит дурная весть в час, когда не хочется горевать. И как только мыслями в облака воспаряешь, чаянья утолив, — выпускает кубок твоя рука, не вино, а кровь из него пролив.

ММММ
DCIII

е теряя времени,

двор отправился в Карлион, где в тот же вечер король с королевой, а также все знатные господа устроили замечательный праздник в честь Персеваля Галлийца.

В шумном веселье прошли ночь и весь следующий день, а на третий день праздник внезапно кончился, и случилось это в то мгновение, когда во двор въехала девушка на хромом муле и с плетью в правой руке.

У нее были черные длинные косы; и если все, что написано в этой книге, — правда, то ни свет, ни тьма не видели существа омерзительней. На всей земле не нашли бы мы смолы столь черной, сколь черны были ее руки и шея.

Но это еще пустяки по сравнению с тем, насколько она была безобразна: на ее лице зияли две глубокие дырки, в которых светились маленькие крысиные глазки; нос был приплюснут, как у макаки или кота, а губы напоминали ослиные или бычьи, — так они были широки.

Из рта торчали зубы цвета яичного желтка, нет, хуже того, они были грязно-рыжими; тело ее заросло волосами, жесткими, словно козлиная шерсть. Посреди груди топорщился горб, спина была изогнута, как посох епископа, а кривая поясница и вздернутые плечи отлично подходили для того, чтобы править балом Сатаны.

С горбом на спине и кривыми, как лоза, ногами, фурия взидала свысока, словно была создана для того, чтобы повелевать всеми.

ММММДС
XXXVIII

осседа на хромом

муле так же царственно, как на породистом жеребце, она подъехала к королю Артуру.

Повторю еще раз: при дворе никогда не появлялась столь отвратительная особа. Она поклонилась королю и всем знатным господам, за исключением Персеваля, к которому обратилась со следующей речью:

— Эй, Персеваль! Фортуна сзади — лысая, а спереди — волосатая. Будь проклят тот, кто

приветствует тебя и молится за тебя, ибо ты не сумел удержать свою Фортуна в день, когда ее встретил!

Ты гостил у Короля-Рыбака и видел, как кровоточит копье, однако посчитал за непосильный труд открыть рот: ты не осмелился спросить, почему капли крови капают с накопника! Ты не сподобился узнать, кому служит пронесенная мимо тебя Чаша Грааля.

Ничтожен человек, который при счастливом случае, выпавшем ему, дожидается более счастливого. Я имею в виду тебя, понимавшего, что нужно заговорить, но малодушно промолчавшего. Только безвольный глупец может позволить удаче пройти мимо.

Если б ты не держал свой рот на замке, а задал главный вопрос, — король, страдающий от ран, немедленно излечился бы и спокойно правил своими землями, а теперь они будут пребывать в запустении.

Известно ли тебе, что произойдет, если король не излечится и в его владениях воцарится хаос? Женщины останутся без кормильцев, почва станет бесплодной, девушкам неоткуда будет ждать помощи, ибо они потеряют отцов, а многие тысячи молодых рыцарей расстанутся с жизнью. Все эти беды — твоя вина. Только твоя, запомни, несчастный!

ММММDC
LXXXIV

произнеся это,

уроина вновь повернулась к королю Артуру:

— Я удалюсь, с вашего разрешения, сир: этой ночью мне необходимо быть далеко отсюда. Не знаю, известно ли вам о Гордом Замке, но к вечеру я непременно должна прибыть туда. В этот замок съехались самые знатные рыцари, числом пятьсот пятьдесят шесть. Но ни один не может похвастаться, что рядом с ним — благородная возлюбленная, любезная и красивая.

Любой, решившийся отправиться в Гордый Замок, не избежит поединка или жестокой битвы. Но тот, кто жаждет совершить рыцарский подвиг, кто ищет славы, — найдет ее там непременно. И если он захочет взять верх над этими рыцарями, я назову ему место в округе, лучше которого для свершения подвигов не сыскать. Лишь бы нашелся человек, готовый рискнуть своей жизнью!

На холме под Монтеклер есть осажденный замок; там живет несчастная девушка. Великая честь выпадет тому, кто сумеет снять осаду и освободить девушку! Он обретет такую славу, что сможет повесить свой меч с роскошным поясом на стену, ибо именно его Бог одарит величайшим счастьем.

ММММDC
LXXV

торжеством озядевших

присутствующих, зловещая вестница умчалась на своем хромом муле, ничего не добавив к сказанному.

Монсеньер Гавейн, тут же вскочив, заявил, что сделает все возможное для спасения девушки, а потому просит разрешения немедленно удалиться. И Жирофле, сын До, в свою очередь, оповестил двор, что с Божьей помощью он хочет сразиться с рыцарями из Гордого Замка.

— А я, — сказал Кахедин, — пойду к Холму Печали и не успокоюсь до тех пор, пока не поднимусь на него.

МММММССС
XXVII

то до Персеваля, то

он дал перед всем королевским двором иную клятву.

Юноша объявил, что не проведет две ночи подряд в одном и том же месте; пройдет самый тяжкий путь из всех, что существуют на свете; вызовет на поединок самого сильного рыцаря, — и будет поступать так до тех пор, пока не узнает, кому служит Чаша Грааля и что такое Грааль, а также пока не отыщет копье, которое сочтется кровью, и не услышит подробного объяснения, почему оно кровоточит. Он не свернет с пути и не откажется от задуманного, какие бы страдания не довелось ему испытать.

ММММ
DCCXLI

итоге набралось

пятьдесят рыцарей, поклявшихся перед всеми, что они немедленно отправятся в путь, каким бы грозным ни оказался край, где их ждут испытания.

ММММ
DCCXLVII

огда смельчаки

отправились снаряжаться в поход, в зале произошло нечто странное. Туда вошел, нет, скорее, ворвался рыцарь Гиганбрезиль. Он вздымал золотой щит, треть которого была окрашена в ярко-голубой цвет.

Увидев короля, Гиганбрезиль поприветствовал его, как подобает. Но после этого решительно направился к монсеньеру Гавейну и гневно обвинил его в предательстве:

— Гавейн, убивший моего господина! Ты ударил его, не вызвав на поединок, да покроют тебя позор и всеобщая хула. Я обвиняю тебя в измене, и пусть все знатные господа знают, что это — чистая правда!

ММММ
DCCCLXVI

ыслушав обвинение, оскорбленный Гавейн бросился к своему обидчику, но Агравен Горделивый, брат Гавейна, преградив ему путь, сказал:

— Во имя Бога, дорогой брат, не действуйте поспешно! За этот гнусный навет, произнесенный во всеуслышание, да еще так громко, презренный лжец заплатит мне собственной кровью, могу поклясться!

— Брат, — отвечал Гавейн, — никто и никогда не защитит меня от позора; сделать это я должен сам, ибо обвинение было предъявлено мне. Если бы я в самом деле навредил рыцарю, то охотно принялся бы искать пути к примире-

нию, предложив ему такое вознаграждение, какое и его друзья, и мои сочли бы справедливым.

Но заявление Гиганбрезилья я нахожу столь возмутительным, что мне ничего не остается, как вызвать клеветника на поединок в любом удобном для него месте.

Выслушав с презрительной усмешкой речь монсеньера, Гиганбрезиль ответил, что всего за сорок дней сумеет убедить Гавейна и всех прочих, что рыцарь виновен в постыдной измене, и сделает это в присутствии короля Эскавалона, который, по его мнению, стократ прекрасней, чем Абсалон.

— А я, — заявил Гавейн, — обещаю последовать за вами сразу же, и скоро мы убедимся, кто из нас прав.

отправился в обратный путь, а монсеньер Гавейн, не мешкая, собрался последовать за ним.

Рыцари принесли монсеньеру щит, отличное копье, крепкий шлем и надежный меч и много

чего еще, но он отказался брать в дорогу то, что ему не принадлежит. Гавейн взял с собой лишь семерых конюших, семерку лошадей и два щита.

Он еще не успел отъехать, как двором овладели уныние и печаль. Скорбящие били себя в грудь, рвали на себе волосы, оставляли на своих лицах глубокие царапины.

Не нашлось такой дамы, что, проявив сдержанность, не пролила бы ни одной слезы. Двор короля Артура погрузился в траур, и никто не пытался скрыть своего великого огорчения.

ММММ
ССССХІІІ

монсеньер Гавейн

отправился на поиски справедливости. Слушайте внимательно, потому что о его приключениях я буду рассказывать долго и подробно.

Сначала он увидел группу рыцарей, пересекающих долину, и конюшого, на шее которого висел щит. Конюший шел за рыцарями, ведя за узду испанского жеребца. Гавейн спросил у него:

— Скажи, конюший, что за люди проходят этой дорогой?

— Сир,— отвечал тот,— один из них — Мелиан де Лис, смелый и дерзкий рыцарь.

— Ты ему служишь?

— Нет, сир. Моего сеньора зовут Труэ Данаэ, и он не слабее и не трусливей того, которого я называл раньше.

— Воистину,— кивнул монсеньер Гавейн.— С твоим хозяином я хорошо знаком. Но куда же он держит путь? Прошу, отвечай правдиво!

— Он спешит на турнир, сир, где сеньор Мелиан де Лис будет меряться силами с Тьебо де Тинтажемом. Было бы неплохо и вам присоединиться к защитникам замка: они сопротивляются осаждающим его.

— Господи! — воскликнул Гавейн,— разве Мелиан де Лис не воспитывался в доме Тьебо?

— Сир, сир, да сохранит вас Господь! Отец де Лиса любил Тьебо как своего вассала и так доверял, что, лежа на смертном одре, поручил ему сына, который был тогда еще слишком мал.

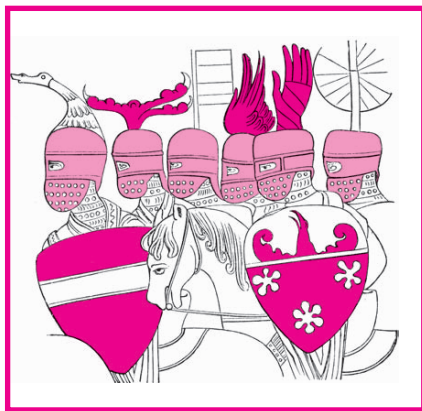
Тьебо опекал мальчика с неопишуемой нежностью до того самого дня, когда Мелиан стал добиваться любви одной из его дочерей.

Но девушка сказала, что ответит ему взаимностью лишь тогда, когда он будет произведен

в рыцари. Замечу, сир, что Мелиан, горя желанием добиться успеха, тут же попросил Тьебо произвести его в рыцари, а затем вновь сделал девушке предложение.

«Я не дам своего согласия, — сказала она, — пока вы не совершите в моем присутствии рыцарский подвиг и не добьетесь множества побед на турнирах. Иначе вы не будете достойны моей любви. К тому же известно, как мало ценится то, что дается слишком легко.

Организуйте турнир, выступите против моего отца, если и правда хотите добиться моей благосклонности, поскольку я должна быть уверена, что не ошиблась в своем избраннике».

Нет, любовных с себя не
стряхнуть оков, ведь
они в усладу, а не в тер-
зание. Тоннет ножкой каприз-
ница, и готов ты исполнить
любое ее желание. Скажет: «За-
мок у рыцаря отбери!» — и пой-
дешь с врагом воевать упрямо.
И упрешь, коль прикажет она:
«Упрь!»», потому что так захо-
тела дама. Дева подвигам ве-
рит, а не словам: опасайся
ей докучать досадой. Может
стать единственной наградой
поцелуй, что украдкой ты с губ
сорвал.

И Мелиан тут же организовал турнир, ведь любовь властвует над человеком, и предмету своей страсти он не может и не желает противиться. Вы прославите необычайным ленивцем, сир, если не присоединитесь к защитникам замка, поскольку ваша помощь в таком деле придаст рыцарям силы.

— Ступай, друг мой, — отвечал Гавейн, — следуй за своим сеньором и прекрати бесполезные уговоры.

МММММDC
ССLXXXII

асставшись с огорченным конюхом, монсеньер Гавейн продолжил путь в направлении Тинтажеля.

Что касается Тьебо, — он созвал близкую родню, кузенов и даже соседей. Прибыли все: богатые и бедные, юноши и старцы.

Но советники умоляли его не сражаться на турнире против собственного сеньора. Они справедливо опасались, что тот, если победа доста-

нется Тьебо, в отместку захочет разорить победителя. А потому Тьебо, дабы оградить себя от вторжения рыцарей де Лиса, велел немедленно перекрыть в замке все входы и выходы.

Люди тотчас же заложили ворота крупными камнями; таким образом, не осталось иного входа, кроме маленьких дверей, весьма прочных. Да, не стоило заделывать двери: они были из меди и закрывались на тяжелый железный засов.

ММММ
СМVIII

онсеньер Табейн

направился к воротам: ему надо было либо войти в замок, либо вернуться назад, поскольку на расстоянии семи дней пути поблизости не было иной тропинки или дороги.

Убедившись, что ворота заколочены, рыцарь расположился на поляне перед окруженной частокотом башней. Спешился он под могучим дубом, на ветвях которого вывесил два щита, причем так, чтобы люди в замке смогли их заметить.

Жители замка, надо сказать, слегка приуныли, узнав, что турнир не состоится. Среди них был и мудрый старик, которого все уважали и побаивались, поскольку он владел многими землями и происходил из знатного рода. Его приказы, какими бы последствиями они ни грозили, оспорить не смел никто.

Увидев скачущих по дороге рыцарей, старик сразу же понял, кого к ним направил Бог. Дело было за малым: убедить в необходимости турнира осторожного сеньора Тьебо.

— Сир, — начал разговор дворянин, — да сохранил вас Господь! Если не ошибаюсь, двое всадников, скачущих сюда, — это Труэ Данэ и Мелиан де Лис. Оба дворянина столь знатны и отважны, что любой из них способен одержать на турнире победу.

Я посоветовал бы вам не пытаться избежать турнира, ибо у вас есть храбрые воины, оруженосцы и меткие лучники, которые смогут без труда поразить коней под обоими всадниками, а я уверен, что эти рыцари едут сюда, чтобы принять участие в турнире. Если непомерная гордыня ведет их к нам, мы от этого только выиграем, а они потеряют многое.

ММММ
СМХЛІХ

у что ж, следуя

его совету, Тьебо вооружился, дабы выйти на-
встречу рыцарям, которым не терпелось начать
поединок. Узнав, что турнир все-таки состоит-
ся, жители замка возликовали. Оруженосцы
спешно доставили участникам оружие и оседла-
ли лошадей.

Что касается дам и барышень, то они поспе-
шили занять места повыше, чтобы наблюдать
за турниром без всяких помех.

И вот тогда в долине появился кортеж мон-
сеньера Гавейна. Все ахнули, ибо до этой мину-
ты полагали, что рыцарей двое, ведь они виде-
ли два щита, висящих на ветвях могучего дуба.

Дамы, уже рассевшиеся на своих местах, за-
шебетали, что им несказанно повезло: они мо-
гут наблюдать, как участники турнира облача-
ются в доспехи.

ММММ
СМЛХІХ

дни красавицы

кокетливо поправляли свои прически, другие говорили:

— Господи Боже, у этого рыцаря столько амуниции и лошадей, что хватило бы на двоих. А если он один, то как же будет справляться сразу с двумя щитами? Виданное ли дело, чтобы рыцарь носил два щита одновременно? О нет, это очень странно, воистину странно: два щита и всего один рыцарь!

ММММ
СМЛХХХІ

ока дамы возмущались,

защитники замка вышли за ворота.

Старшая дочь Тьебо поднялась на самый верх башни: ведь турнир был затеян в ее честь.

Рядом со старшей расположилась и младшая дочь Тьебо, носившая такие элегантные, такие тончайшие кружевные рукавички, что ее прозвали — девушка Прелестные Рукавчики.

Простолудины тоже сбежались к замку, чтобы наблюдать за турниром. Что же касается рыцарей, то ни один из них не мог сравниться в изяществе с Мелианом де Лисом, если, конечно, верить его подруге, которая в этот миг говорила:

ММММММ

иные дамы, никто

на свете не нравился мне так, как храбрец Мелиан де Лис! И, собственно, почему бы мне не признаться в этом? Неужели хоть одна из вас смотрит без удовольствия на такого красивого рыцаря? Да он просто обязан ездить верхом, носить копье и щит, когда столь искусно ими владеет!

Но ее сестра, сидящая рядом, в запальчивости ответила, что знает рыцаря намного красивее, смелее и благороднее Мелиана.

О, что тут началось! Разгневанная подруга де Лиса вскочила и непременно ударила бы девицу Прелестные Рукавчики, если бы другие дамы вовремя ее не удержали. Она сумела только дотронуться до младшей сестры, и это ее чрезвычайно раздосадовало.

МММММ
XVII

так, открытие
турнира было объявлено.

Не одно копьё сломалось, немало ударов было нанесено мечами, и немало рыцарей повержено.

Но самым трудным и опасным был поединок с Мелианом де Лисом. Никто не мог устоять перед его копьём, а если оно ломалось, — рыцарь пускал в ход тяжёлый меч, которым владел весьма искусно. Он опережал в мастерстве всех воинов, к какому бы лагерю они ни принадлежали. Это так воодушевило его любимую, что она опять не удержалась от восклицания:

— Поглядите на эти чудеса, дамы: вы никогда ещё такого не видели и даже не слышали

о подобном! Перед вами — лучший из лучших, самый красивый и самый мужественный из всех участников!

Но младшая снова возразила:

— Я вижу юношу еще красивее и, думаю, сильнее.

В гневе набросилась на нее сестра:

— Грязная дрянь! ты смеешь дерзить мне и оскорблять рыцаря, которого я восхваляю? Получай же затрещину и в следующий раз помалкивай!

МММММ
XLVIII

на так сильно ударила

юную спорщицу, что ее пятерня отпечаталась на нежном личике младшей. Вновь пришлось вмешаться встревоженным дамам, дабы развести бранящихся в разные стороны.

Но когда ссора улеглась, дамы возвратились на свои места и опять принялись оживленно обсуждать монсеньера Гавейна.

— Боже мой, — вздохнула одна, — рыцарь, стоящий под дубом, чего-то ждет, он даже не вооружился.

Другая, более дерзкая, съехидничала:

— Видать, он — миротворец и возражает против всякого кровопролития.

Третья сказала:

— Это, наверное, торговец, который не собирается участвовать в турнире. Он просто привел своих лошадей на продажу.

— Скорее всего, меняла, — возразила четвертая. — Он и не думает раздать бедным рыцарям имущество, привезенное с собой. Уверяю вас: в его сундуках и ящиках — серебро и драгоценная посуда!

— У вас злые языки, — вмешалась младшая дочь Тьебо, — и вы ошибаетесь. Разве торговец носит с собой такое крепкое копье? Сегодня вы, дамы, сведете меня с ума своими глупыми небылицами. Во имя Святого Духа, незнакомец больше похож на завсегдатая турниров, чем на торговца или менялу. Юноша — рыцарь, и это по всему видно.

Тогда обиженные дамы воскликнули в один голос:

— Ну уж нет, дорогая подруга! Если он и похож на рыцаря, то это еще ничего не значит.

Возможно, незнакомец нарядился так ради того, чтобы избежать оброка.

Он весьма недалек, но считает себя умником, а в конце концов будет за эту хитрость арестован, как вор, пойманный с поличным, и обвинен в недостойной краже рыцарского одеяния. В итоге его повесят.

МММММ
ХСІ

онсеньер Гавейн,

все еще стоящий под дубом, расслышал издевательские намеки, высказанные дамами. Рыцарь сильно сконфузился. Но что он мог им ответить?

Коль скоро его считают виновным в измене, он должен защитить свою честь. Не выйди Гавейн сражаться с обвинителем, как поклялся королю Артуру, он обесчестит, в первую очередь, себя, а потом и весь свой род.

Только из опасения, что его ранят или возьмут в плен и он не исполнит своего долга, Гавейн не принял участие в турнире, хотя желание его было велико.

К тому же с каждой минутой поединки становились все более интересными и захватывающими. Непобедимый Мелиан де Лис уже потребовал копьё покрепче, чтобы наносить противнику сокрушительные удары.

Целый день до наступления ночи длился турнир перед воротами замка. Отвоевавший добычу, уносил ее туда, где, как ему казалось, она будет в недосягаемости для грабителей.

МММММ
СХIV

друг дамы заметили

оруженосца, очень высокого и плешивого, держащего в руке обломок копья. На шее у него висел подшлемник. Одна из красавиц тут же обозвала его простофилей и безумцем:

— Сеньор всадник! — воскликнула она. — Вы сошли с ума, если в гуще драки надумали подбирать наконечники копий, шлемы, обломки древка, упряжки. Вы, верно, прекрасный наездник! Развлекаться подобным образом — означает ни во что себя не ставить!

А ведь невдалеке, на поляне, которая нам отлична видна, брошены сокровища: за ними никто не присматривает и не стережет их. Нужно быть совершенным простофилей, чтобы не думать о своей выгоде, когда она прямо перед носом.

Раскройте пошире глаза: рядом с вами стоит самый, что ни на есть добродушный рыцарь, и даже если из его усов станут выдергивать волосок за волоском, он не шелохнется.

Не пренебрегайте случаем, хватайте все, что видите, и вы поступите мудро. Берите всех лошадей и все имущество: никто и никогда не заpretит вам этого и не поставит в вину!

Всадник тут же примчался на поляну и обломком копья легонько ударил одну из лошадей Гавейна, пробормотав при этом:

— Вассал, вы что, плохо себя чувствуете, коли стоите и наблюдаете целый день, не продыравив ни одного щита, не сломав ни единого копья?

— Отвяжись! — ответил Гавейн, — что тебе за дело? Причину, по которой я ничего не принимаю, ты рано или поздно узнаешь, но, черт тебя побери, это будет не сегодня, ибо я не снизойду до того, чтобы ее изложить. Убирайся-ка отсюда, иди своей дорогой и займись собственными делами!

МММММ
СLIV

от сразу же испарился:
он был не из тех, кто осмелится болтать себе во вред. Закончился и турнир, после того как множество рыцарей было пленено и множество лошадей убито. Верх взяли рыцари, осаждавшие замок, а защитники забрали себе добычу. Перед тем как разойтись, те и другие договорились встретиться завтра и продолжить сражение.

МММММ
СLXV

так, к ночи противники
расстались, и в замок вернулись все обитатели. Последовал за ними и наш монсеньер Гавейн.

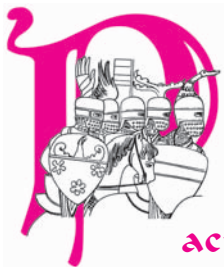
У ворот он встретил вассала, который в свое время посоветовал сеньору Тьебо принять участие в турнире. Мудрый старик, приглядевшись к незнакомцу, сразу же предложил ему воспользоваться гостеприимством защитников замка. Сделал он это необычайно изысканно и учтиво:

— Дорогой рыцарь, в замке для вас приготовлены покои. Окажите мне честь, проведите там остаток дня, ведь если вы продолжите поиски, то все равно не найдете достойного вас жилья, хотя бы вы искали его целый день. А потому нижайше прошу вас остановиться в моем доме.

— Я не против, — отвечал монсеньер Гавейн, — и благодарю вас за любезные речи, ибо мне пришлось услышать сегодня много неприятного.

Так бывает: целью святой гоним, что тебе не дает уснуть,— ты спешишь в сражение вступить с одним, но другой презраждает путь. Так бывает: сердце отдав одной и поклявшись вернуться к ней,— ты другую дебу в стране иной называешь женой своей. И, любя отчизну до немоты (только этим душа жива!),— за чужбину кровь проливаешь ты, защищая ее права.

MMMMM
CLXXXV

асточая любезности

по дороге к замку, вассал все же спросил у рыцаря, почему на сегодняшнем турнире он ни разу не взялся за оружие. Гавейн, разумеется, не стал запираяться и вежливо пояснил: поскольку его обвиняют в измене, он должен во что бы то ни стало избежать плена или ранения и не растратить попусту сил, пока опровергнет низкую клевету.

Рыцарь добавил, что покроет бесчестьем себя и всех своих близких, если не явится в указанное время к месту поединка, как было договорено. Выслушав Гавейна, мудрый вассал проникся к нему еще большим уважением и ответил, что целиком поддерживает его в благом намерении: коли по такой важной причине рыцарь отказался от турнира, то это похвально, а не позорно.

Достигнув замка, оба рыцаря спешили. Заметив их, следившие за турниром дамы начали наперебой высказывать сердитые обвинения в адрес Гавейна и даже спорить, под каким предлогом возможен арест этого презренного труса.

Особенно старалась старшая дочь Тьебо, кивая от ненависти к своей сестре, осмелившейся ей возражать.

— Сир, — говорила она отцу, — сегодня вы ничего не потеряли, а скорее, выиграли и даже больше, чем вам представляется. Моя речь кажется вам путаной, но ничего, скоро вы поймете, в чем дело. Здесь появился подозрительный чужак, и вы будете правы, если прикажете его арестовать, причем — немедленно!

Тот, кто привел его в город, не решится защищать плута, прибегшего к возмутительной уловке. Представьте себе: незнакомец носит с собой щиты и копья, водит под уздцы лошадей и таким образом избегает оброка, поскольку все вокруг принимают его за рыцаря, тогда как на самом деле он — только низкий торговец.

Так воздайте ж ему за все! Этот человек в доме Гарэна, сына Берты; там его приютили. Он совсем недавно прошел мимо нас, и я успела заметить, куда он направился.

МММММ
ССХХХIV

от так позорила она

рыцаря, желая пробудить в отце ярость. Сеньор Тьебо не медля вскочил на коня и, чтобы лично убедиться в услышанном, направился напрямиком к дому, где остановился Гавейн.

Когда младшая дочь Тьебо увидела, что отец уехал, она украдкой выскользнула из дома через заднюю дверь: ей очень не хотелось, чтобы ее заметили. Почему? Да потому, что девушка тоже бросилась туда, где собрался ночевать монсеньер Гавейн, — к сеньору Гарэну, сыну Берты.

Надо сказать, что у Гарэна были две, очень ласковые и красивые дочери, никогда между собой не ссорящиеся. Когда сестры увидели, что явилась их госпожа, они кинулись к ней с неподдельной радостью и стали целовать гостью в глаза и губы.

МММММ
СССЛ

то касается Гарэна,

которого нельзя было назвать бедным, он также сел на коня и, взяв с собой своего сына Бертрана, отправился в замок, надеясь повидать сеньора. Скача навстречу друг другу, встретились они как раз на середине дороги. Вассал Гарэн, поприветствовав господина, учтиво поинтересовался, куда это он так спешит.

— К тебе, мой друг, — отвечал Тьебо, — я намерен как следует развлечься!

— Вы даже не представляете, насколько это кстати! — воскликнул Гарэн, — сейчас у меня гостит самый прекрасный рыцарь из всех, каких я когда-либо видел.

— Честно говоря, я еду не для того, чтобы любоваться тем, кого собираюсь арестовать. Разве тебе не известно, что он — торговец, который, переодевшись рыцарем, привел коней для продажи?

— Ну и ну! Какие несправедливые и обидные слова я слышу от вас! — огорчился Гарэн.— Я — ваш вассал, привыкший почитать своего сеньора, но сейчас вы нанесли мне тяжкое оскорбление, предположив, что в моем доме могут принимать торговца! От своего имени и от имени всего моего рода я вызываю вас на поединок, не в силах стерпеть бесчестия!

— Но я вовсе не собирался оскорблять тебя, — смутился сеньор Тьебо.— Да поможет мне Бог! Гость твоего дома не будет обделен с моей стороны ни почестями, ни радушием!

— Благодарю вас, сир, — поклонился ему вассал, — и буду воистину счастлив, если вы почтите своим вниманием моего высокого гостя.

МММММ
ССХСII

ридя к согласию

и не теряя времени, сеньор с вассалом направились к дому, где расположился монсеньер Гавейн.

Увидев их, благородный рыцарь вышел на встречу всадникам и учтиво сказал: «Добро пожаловать, сеньоры!» Поприветствовав его в ответ, рыцари спешили и, войдя в дом, начали беседу с гостем.

Конечно же, первым делом Тьебо спросил у Гавейна, почему он не принял участия в турнире, ради которого сюда прибыл. Монсеньер, согласившись, что в его поведении было нечто, заслуживающее презрения, объяснил, что обвинен в предательстве и обязан без промедления оправдаться перед двором короля Артура.

— Причина уважительная, — согласился сеньор Тьебо, — сомнения нет. Но где же произойдет решающий поединок?

— Сир, — отвечал Гавейн, — я, собственно говоря, направлялся к королю Эскавалона, и мне кажется, что с пути я не сбился.

— Могу предоставить эскорт, который сопроводит вас туда, — предложил Гавейну правитель, — и, поскольку вы будете ехать по обедневшим селеньям, я снабжу вас припасами и дам лошадей, на которые их погрузят.

Рыцарь ответил, что надобности в этом нет: он способен заплатить за хороший ночлег и купить еду, а лишняя ноша всегда удлиняет путь.

МММММ
СССІ

оговорив с гостем,

сеньор Тьебо направился было к выходу, но знакомый голос, зазвучавший у него за спиной, заставил правителя оглянуться. О, как же он изумился, увидев, что его младшая дочь вцепилась в рукав совершенно растерявшегося монсеньера Гавейна!

— Умоляю вас, господин! — молила она, — не уходите не выслушав, — я пришла пожаловаться на свою сестру, которая подняла на меня руку! Заступитесь за мою честь, прошу вас!

Гавейн, потрясенный происходящим, застыл как вкопанный: он терялся в догадках, откуда взялась эта девушка и чего она от него хо-

чет. А юная красавица, на щеках которой уже блеснули слезы, продолжала умолять:

— К вам я взываю, о дорогой сеньор, пока-
райте мою сестру! Я не питаю к ней больше ни
любви, ни доверия, потому что из-за вас она ос-
корбила меня сегодня.

— Но какое, милая госпожа, я имею к этому
отношение? И как могу защитить вас?

МММММ
ССССС

слышав слова своей
младшей дочери, Тьебо пришел в сильное него-
дование.

— Дитя мое! — вскричал разгневанный
отец, — разве я учил тебя жаловаться на сестру
рыцарям?

Гавейн, еще более озадаченный, спросил у него:

— Сир, это ваша дочь, насколько я понимаю?

— Да, но не обращайтесь внимания на ее сло-
ва. Она — ребенок, а потому — несдержанна
и наивна.

— Без сомнения,— сказал монсеньер Гавейн,— я буду выглядеть грубым и черствым в глазах девушки, если откажусь ей помочь. Но поведайте мне, благородное и нежное дитя, каким образом я должен призвать вашу сестру к ответу?

— Сир, завтра вам надлежит сразиться на турнире из любви к своей прекрасной даме, то есть ко мне!

— Скажите мне, прекрасная госпожа, обращались ли вы ранее к какому-нибудь рыцарю с подобной просьбой?

— Что вы, сир, никогда!

— Не обращайтесь внимания на ее болтовню, сир! — вмешался рассерженный отец. — Это всего лишь капризы и причуды.

Ответ монсеньера Гавейна был вежливым, но твердым:

— Сир, да поможет мне Бог наш Господь! Возможно, тут нет ничего, кроме ребячества и капризов, но я не в силах ей отказать. Коль таково желание дамы, я стану ее рыцарем на то время, которое мне понадобится для сражений.

— Благодарю вас, дорогой сеньор... — прошептала юная девица и склонилась перед ним так низко, что Гавейн не мог видеть, какой радостью лучатся ее глаза.

МММММ
СССЛХХХV

е добавив ни слова,

они расстались. Сеньор повез младшую дочь домой, посадив ее впереди себя на коня. Разумеется, ему не терпелось узнать, чем была вызвана ссора родных сестер. Девушка рассказала отцу все, ничего не скрыв.

— Сир, — призналась она, — мне было очень противно слушать, как моя сестра настаивала на том, что Мелиан де Лис — самый храбрый и самый красивый из всех рыцарей, ведь я уже успела как следует рассмотреть этого юношу на поляне. Я не смогла сдержаться и, не пытаясь ее корить, сказала, что знаю более приятного и смелого рыцаря.

Тогда ваша старшая дочь обозвала меня грязной дрянью и вцепилась в мои косы. Да будет проклят тот, кто порадуется этому! Мои косы! Я бы согласилась срезать их, хоть это и не делает меня красивее, если бы такой поступок помог моему рыцарю сразить на восходе солнца заносчивого Мелиана де Лиса.

О, было бы сразу покончено с неумными восторгами и чванливостью моей старшей сестрицы. Она столь долго и столь пылко хвалила его сего дня, что дамы от этого утомились. Но из огромной тучи — ничтожный дождик, ничего более!

— Дочь моя, — сказал дворянин, — я решаю вам в знак признательности любезно отправить рыцарю свой шарф или рукавчик.

Девушка со всей искренностью отвечала:

— Охотно, отец, тем более что вы предложили это сами. Но мои рукавчики настолько малы, что я не посмею отправить рыцарю один из них. А если и пошлю, то он все равно не оценит.

— Дитя мое, — успокоил ее Тьебо, — беру это на себя, не волнуйтесь: уверен, что я найду выход.

МММММ
СДХХІХ

, растрогавшись, он

обнял свою прямодушную дочь.

Надо сказать, что отец испытал немалую радость от того, что так крепко держал ее. До-

вольно скоро они прибыли во дворец. Когда старшая дочь Тьебо увидела, что отец, спешившись, взял ее сестру на руки, она зашлась от злости.

— Сеньор, — спросила девушка ядовито, — откуда явилась моя сестра, девица Прелестные Рукавчики? Ах да, она знает толк в хитростях, хотя, на мой взгляд, слишком рано проявляет себя в этом. Отец, признайтесь, откуда вы принесли плутовку?

— Что вам за дело? — воскликнул сеньор Тьебо. — Помолчали бы лучше, негодница! Сестра куда милосерднее вас: она никого не дергала за косы и не била. Я недоволен тем, что произошло: вы поступили неблагородно.

Старшую оскорбило, что отец столь решительно отчитал ее и пристыдил. А он, между тем, повелел слугам извлечь из сундука красный шелк и сшить из него длинный широкий рукав. Когда работа была закончена, сеньор Тьебо призвал младшую дочь и сказал ей:

— Дитя мое, завтра утром встаньте пораньше: вам следует навестить рыцаря еще до его ухода. С любовью отдадите ему этот рукав, пусть он возьмет его с собой, когда отправится на турнир.

Ах, плутовке этой немало лет, но зато опасность ей ни о чем. Будешь ты улыбкой ее согрет, как ручей весенним согрет лучом. Ближе брата кровного и отца тебе рыцарь, ставший теперь судьбой. Не сойдет тревога с ее лица до тех пор, пока не свершится бой. Вот тогда, не пряча счастливых глаз, дева розу бросит тебе: «Люби!»... Может быть, и вправду от смерти спас тот рукавичек алый — залог любви?

Девушка поклялась, что, как только пробьется первый рассветный луч, она встанет, оденется и поспешит к рыцарю, если ей, конечно, никто не помешает.

МММММ
СХLV

у что ж, заботливый

отец, пожелав дочери доброй ночи, удалился, тогда как она, вне себя от радости, попросила подруг разбудить ее на рассвете, если они хотят и дальше пользоваться ее нежной привязанностью. Разумеется, верные подруги исполнили все, что приказала девушка: как только ночное небо прояснилось, они разбудили ее и одели.

МММММ
СD LXXVII

Вот, с первыми лучами

утренней зари, младшая дочь Тьебо поспешила к дому, где ночевал монсеньер Гавейн. Увы, никого не было: все уже встали и отправились на службу в церковь.

Что делать, девушке пришлось подождать, смирив нетерпение, хотя ожидание показалось ей очень долгим.

Когда благородный монсеньер Гавейн наконец вернулся, младшая дочь Тьебо бросилась ему навстречу со словами:

— Да сохранит вас Господь Бог и осенит Своей благодатью! Примите из любви ко мне рукав, который я дарю вам от всего сердца.

— С радостью принимаю и благодарю вас, милая госпожа, — ответил Гавейн.

МММММ
СДХС VI

ыцари, не мешкая,

вооружились и собрались на ристалище, тогда как дамы взошли на крепостные стены замка, чтобы и дальше наблюдать за поединком смельчаков.

Пришпорив коня, Мелиан де Лис поскакал к противнику; он опередил своих соратников не менее чем на два с половиной арпана. Старшая из дочерей Тьебо, увидев избранника сердца, не удержалась от восклицания, исполненного восторга:

— Взгляните, дамы, — вот самый блистательный, самый красивый из всех рыцарей!

МММММ DXXIII

В это время монсеньер

Гавейн уже направил своего могучего коня навстречу тому, кто не допускал и мысли, что можно испугаться и отступить.

Ударившись в щит Гавейна, копьё де Лиса не просто раскололось, — оно превратилось в щепки. Ответный удар монсеньера Гавейна был столь сильным, что причинил противнику большую неприятность: он выбил его из седла. Тогда Гавейн, схватив коня Мелиана за уздечку, передал его в руки слуги.

Вы спросите, зачем он это сделал? Охотно отвечу: рыцарь вознамерился подарить скакуна девушке, во имя которой он участвовал в турнире, ибо конь де Лиса был первым выигрышем, заработанным Гавейном в тот день.

Итак, он отправил захваченного коня даме своего сердца. Что касается самой девушки, не отходившей от окна, чтобы не пропустить и малейшей детали поединка, то младшая дочь Тьебо

вскрикнула от радости, когда Мелиан де Лис упал на землю.

— Сестра, — сказала она не без некоторого ехидства, — теперь вы можете наблюдать, как сеньор Мелиан де Лис лежит на земле плашмя, и это тот, которого вы без устали восхваляли. Отныне все убедились, что ваши похвалы были весьма преждевременными. Права оказалась я, утверждавшая вчера, что на свете есть рыцарь намного сильнее вашего.

Вот так она пыталась отомстить своей сестре за вчерашнее оскорбление, и та, разумеется, сразу же вышла из себя.

— Маленькая дрянь, — завопила старшая, — замолчи! Если сегодня я еще раз услышу нечто подобное, ты получишь такую оплеуху, что вряд ли устоишь на ногах!

— Ха-ха-ха! Побойтесь Бога, — засмеялась в ответ юная девица. — Где это видано, чтобы за правду били? Я свидетельствую, что вашего рыцаря сбросили с коня, да и вы не можете этого отрицать.

Мне кажется, он все еще не в состоянии подняться, и даже, если вы сдохнете от бешенства, я буду повторять это; ведь нет среди нас такой дамы, которая бы не видела, как, лежа, Мелиан де Лис сучит ногами от злости и бессилия!

MMMMM
DLVIII

азневанная красавица

без раздумий отвесила бы младшей сестре оплеуху, если бы дамы не удержали ее, как и в прошлый раз.

К тому же к младшей дочери Тьебо уже приблизился всадник, правой рукой держащий коня де Лиса за уздечку. Она с важностью приняла дар монсеньера Гавейна и велела слуге немедленно передать своему хозяину слова благодарности и признательности.

Самого же Гавейна в конце концов объявили королем турнира, поскольку не было такого рыцаря, которого бы он не сбросил с коня своим копьем. Никогда в жизни Гавейн не жаждал трофеев столь сильно, как в этот день!

Победив всех противников еще до полудня, рыцарь раздарил четырех лошадей, составивших его личную добычу: первого коня он отправил своей даме; вторым рассчитался за оказанное гостеприимство с женой вассала, пришедшей от подарка в полный восторг; одна из ее дочерей получила третьего, другая — четвертого. Турнир завершился, и все возвратились в замок.

MMMMM
DLXXXIV

аго сказать, что

победителя сопровождало такое несметное количество рыцарей, что они заполнили всю площадь. А ехавшие рядом с Гавейном не оставляли попыток разузнать, какого он роду-племени и откуда прибыл.

Приблизившись к дому, в котором провел ночь, Гавейн с удивлением обнаружил стоящую у дверей младшую дочь Тьебо. Девушка тут же ловко ухватила за стремяна и поприветствовала героя следующим образом:

— Тысячу раз благодарю вас, мой нежный, великодушный рыцарь!

Гавейн понял, что она хотела от него услышать, и ответил, как подобает благородному дворянину:

— Я состарюсь и поседею прежде, о милая госпожа, чем перестану служить вам как своей даме. Куда бы не забросила меня судьба, я примчусь к вам при первой же необходимости, и никакие обстоятельства не помешают мне сделать это!

— Благодарю вас сердечно,— с улыбкой ответила девушка.

МММММ
ДСХІІ

ак они беседовали, пока

не появился ее отец. Тебо принялся пылко убеждать монсеньера Гавейна не отправляться в дорогу тотчас же, а спокойно переночевать в замке. А еще он попросил героя назвать свое имя, если для этого нет никаких серьезных помех.

От любезного приглашения монсеньер Гавейн отказался; в остальном же он утолил лю-

бопытство отца девушки, избравшей рыцаря своим защитником и другом:

— Меня зовут Гавейн, сир. Я никогда не скрывал своего имени, кто бы меня ни спрашивал. Но никогда и не называл его, если о том не просили.

Когда Тьебо узнал, что перед ним сам монсеньер Гавейн, сердце его чуть не выпрыгнуло из груди от счастья.

— Сир! — взмолился правитель, — останьтесь и примите мои услуги этим вечером. Клянусь, что за всю свою жизнь я первый раз встретил рыцаря, которому столь страстно желаю оказывать всевозможные почести!

Он так и эдак упрашивал монсеньера Гавейна остаться, но тот, подобно могучему утесу, устоял перед всеми уговорами.

Младшая дочь Тьебо, которая на самом деле не была ни безумной, ни вздорной, склонившись, прикоснулась губами к туфле Гавейна, моля Бога хранить ее смелого рыцаря.

Удивившись, монсеньер спросил девушку, зачем она это сделала, и та ответила, что поцеловала его туфлю, для того чтобы он всегда помнил о своей маленькой даме, где бы ни находился.

— Оставьте сомнения, прекрасная госпожа, я вас никогда не забуду!

MMMMM
DCLIII

ыцарь простился со

всеми, с кем пожелал проститься, и уехал, а жители замка дружно попросили Господа Бога хранить отважного путешественника.

Эту ночь монсеньер Гавейн провел в монастыре, где получил все, что ему потребовалось. А утром, когда он ехал лесом, рыцарь заметил оленей, пасшихся на опушке.

Он тут же повелел спешиться лучшему своему конюшему Иванетту, который, держа в руках крепкое копье, вел лошадей. Гавейн попросил его подать копье, и конюший исполнил это незамедлительно.

Не теряя времени, Гавейн ринулся за оленями. После немалых усилий и хитрых маневров он подкрался к белой оленихе, пробиравшейся сквозь кустарник, и пронзил ей шею копьем. Но упав-

шая было олениха вскочила и резво помчалась прочь.

Гавейн бросился в погоню и вскоре сумел бы ее настичь, если бы его конь не потерял подкову с передней правой ноги. Почувствовав, что конь под ним ослабел, рыцарь благоразумно решил возвратиться к своим людям.

Неспроста олениху ты
ранил, Габейн, в незна-
комом, дремучем лесу.
Капли крови остались на же-
сткой траве, на листе, что
грожит на весу. Неспроста
пробалилась одна из погонь,
а добыча стрежлав унеслась.
Неспроста захромал ослабев-
ший твой конь. Есть тут не-
кая тайная связь между тем,
что случилось, и тем, чему
срок не настал, не открыт
никому,— проговорка, подсказ-
ка, неясный намек, огонек, ус-
кользнувший во тьму.

Эта неудача сильно его опечалила. Не понимая, отчего конь хромает, Гавейн посчитал, что несчастное животное поранило ногу о сук. Поздостав Иванетта, рыцарь попросил его поскорее заняться конем. Когда умный конюший, исполняя волю хозяина, приподнял ногу скакуна, он сразу же обнаружил, что подкова на ней отсутствует.

— Сир,— сказал Иванетт,— коня необходимо подковать. Будем, не спеша, продвигаться вперед, пока не найдем кузнеца, который сможет это сделать.

МММММ
СССII

так, они продолжили

свой путь и вскоре встретили на дороге людей, только что покинувших незнакомый чудесный замок.

Впереди в коротких плащах шагали юноши, держа на сворках собак; за ними следовали егеря с острыми кольями, затем — лучники

и оруженосцы с луками и стрелами и, наконец, рыцари.

Шествие замыкали двое всадников. Один из них, изящный и красивый, казался совсем юным. Он поприветствовал монсеньера Гавейна и, взяв его за руку, произнес:

— Сир, я хотел бы задержать вас ненадолго, поскольку пора вам позаботиться о ночлеге. Отправляйтесь в замок и остановитесь у меня. Живу я вместе с любимой сестрой, которая, не сомневаюсь, примет моего гостя с радостью. А мой друг, которого вы сейчас видите, проводит вас туда.

И, обратившись к своему напарнику, рыцарь попросил:

— Ступайте же, дорогой друг, с этим сеньором, отведите его к моей сестре. поприветствуйте ее и передайте мою просьбу: во имя нашей обоюдной верности и любви, пусть она сделает для этого рыцаря все, что обычно делает для меня. Да будет она ему приятной собеседницей, чтобы благородный гость не ведал скуки до нашего возвращения.

А сами вы, поручив рыцаря заботам моей сестры, немедленно возвращайтесь, ибо сего дня я хочу попасть в замок как можно раньше, дабы составить им достойную компанию.

МММММ
СССЛІХ

ышарь исполнил поручение

в точности и сопровождал монсеньера Гавейна в замок. Но хочу вас предупредить, что это было именно то место, где Гавейна смертельно ненавидели.

Правда, враги не знали его в лицо, а сам Гавейн понятия не имел, куда столь опрометчиво направился, и потому даже предположить не мог, что следует быть настороже.

Оглядев замок, расположившийся на полуострове, он с восхищением отметил, что крепостные стены и башни достаточно прочны, чтобы выдержать любую осаду. Гавейн пришел в полный восторг от города, где жили такие красивые люди, а лавки были полны золота, серебра и звонких монет.

Он обозрел площади и улицы, заполненные расторопными ремесленниками всех видов, какие только бывают на белом свете. Один изготавли-

вал шлемы, другой ковал кольчуги, третий делал седла, четвертый — щиты, а пятый — ремни и шпоры.

Здесь ковали мечи так же привычно, как ткали полотно и стригли овец. А еще они плавили золото и серебро, изготавливали роскошные изделия: чаши, кубки, блюда, инкрустированные украшения, кольца, цепочки, застёжки.

Казалось, в этом городе постоянно действует ярмарка: в таком невероятном количестве продавались везде воск, пряности, перец, меха и прочий товар.

ММММММ
СССЛХХХИИ

аблюдая китящую

жизнь и останавливаясь то

там то сям, путешественники добрались до главной башни замка. К ним тут же поспешили слуги, чтобы заняться лошадьми и поклажей. Рыцарь, сопровождающий Гавейна, за руку ввел его в пышные покои хозяйки.

— Милая госпожа, — сказал он, — ваш брат передает привет и просит, чтобы вы удостоили этого господина всяких почестей, и не по принуждению, а с тем же удовольствием, как если бы вы были сестрой нашего гостя, а он — вашим братом.

Боже вас упаси отлынивать от исполнения его просьб! Будьте щедры, добросердечны, великодушны. Приступайте же к обязанностям хозяйки, поскольку я ухожу: мне нужно вернуться к вашему брату как можно скорее.

Ответ ее был весьма учтивым и сердечным:

— Да будет благословен тот, кто направил ко мне такого высокого гостя! Воистину, пригласивший сюда столь прекрасного рыцаря не может меня ненавидеть, и я ему благодарна! Дорогой сеньор, — обратилась девушка к Гавейну, — поскольку вы кажетесь мне красивым и благородным, я с радостью составлю вам компанию; к тому же об этом очень просил мой любезный брат.

МММММ
DCCCLXV

С человек, сопровождавший

гостя, простился и отбыл, а монсеньер Гавейн остался. Надо сказать, он нисколько не жалел, что оказался наедине со знатной девицей, которая была столь учтива и хороша собой и так замечательно воспитана, что у рыцаря даже мысли не возникло, что к нему присматриваются.

Напротив, он тут же заговорил о любви, поскольку все иное казалось ему сущей чепухой и напрасной тратой времени. Монсеньер Гавейн немедленно поклялся девушке в нежной страсти и пообещал, что будет ее рыцарем, пока жив.

Что до нее, то она была не в силах ему противиться и на пылкие просьбы ответила согласием.

МММММММ
СССХХХИ

о, увы, блажeнcтвo,

охватившее девушку и рыцаря,
было нарушено самым возмутительным образом.

Представьте себе, в покои прекрасной девицы ворвался вассал, единственный из всех узнавший монсеньера Гавейна, а потому и ставший причиной его дальнейших неприятностей. Увидев целующихся влюбленных, вбежавший попросту рассвирепел и, не совладав с собой, тут же разразился бранью:

— О презренная женщина! Да падет на тебя кара Божья, если мужчине, которого обязана ненавидеть, ты позволяешь вольничать, обнимать и целовать себя!

Несчастливая и безумная, ты ведешь себя в соответствии со своей порочной натурой, ибо должна была собственными руками вырвать из его груди сердце, вместо того чтобы осыпать негодея поцелуями.

Возможно, это и поможет тебе раз и навсегда овладеть его сердцем, но лучше бы ты сделала

то, о чем я сейчас сказал! Исполни свой долг, если женщина вообще способна когда-либо поступать благоразумно.

Нельзя назвать достойной женщину, не питающую ненависти к злу и не любящую добро. Ничтожна и та, которая воспекает добро, а ненависть к злу не приемлет!

И это я говорю о тебе, потому что сидящий подле тебя, убил твоего отца, а ты его страстно целуешь. Воистину, если женщина хочет получить удовольствие, все остальное для нее неважно!

ММММММ
СССЛXVI

осле этого яростного

монолога вассал исчез так же быстро, как появился, лишив монсеньера Гавейна возможности ему ответить.

А несчастная девушка, услышав слова вассала, мгновенно лишилась чувств и упала на пол. Когда рыцарь поднял ее, она была бледней

полотна. Придя в себя, девушка горестно прошептала:

— Все пропало. Из-за вас я погибну, да и вы тоже, боюсь, расстанетесь из-за меня с жизнью. Я уверена, что сегодня сюда заявятся представители от жителей этого города. Скоро более десяти тысяч человек соберутся перед башней.

Правда, здесь много оружия, и я вас быстро вооружу. Рыцарь может и в одиночку справиться с целой армией, защищая эту башню.

Она тут же принесла Гавейну оружие, поскольку была не на шутку встревожена. Когда он облачился в доспехи, влюбленные несколько успокоились. Но, к несчастью, девушка не смогла найти щит, и рыцарю пришлось заменить его шахматной доской.

— Любимая, нет необходимости искать для меня другой щит, я удовольствуюсь тем, что есть.

Гавейн высыпал на пол шахматные фигуры: они были в десять раз больше обычных и сделаны из самой твердой слоновой кости. Он решил, что, конечно же, сможет удержать вход в главную башню, не зря его меч звался Экскалибур, и это был лучший меч на свете, способный рассекал металл так же легко, как топор рассекает сухое дерево.

Вот настал возмездия
черный час, и его нельзя
избежать никак. Лучше
быть в плену у прекрасных
глаз, чем в плену у тех, для ко-
го ты — враг. Прибегут с ду-
бинками и огнем, всей толпой
в измене тебя виня. Ты уме-
ешь, рыцарь, ходить конем, да
мало пространство и нет ко-
ня. Лишь подруга нежная. Но
и та на твои маневры смотрит
с тоской. Что ж, Гавейн бесст-
рашный, коль нет щита, — за-
щищайся шахматною доской!

МММММ
СММ

то касается вассала,

в ярости выскочившего из башни, то он первым делом направился к сидящим на лавках соседям, мэру, городским советникам и торговцам.

Собралось их немало, и по всему было видно, что питались они не только рыбой, поскольку выглядели тучными и полусонными. Вассал смерил их презрительным взглядом и прокричал:

— К оружию! Схватим предателя Гавейна, убившего моего сеньора!

— Где он, где? — возопили все.

— Верьте мне, — отвечал вассал, — я нашел его в главной башне, где подлец развлекался с нашей ветреной госпожой, обнимая ее и целуя. Замечу, что она нисколько не сопротивлялась негодяю, а, напротив, принимала его ласки с большим удовольствием.

Бегите и быстрее хватайте гнусного изменника! Если сумеем связать мерзавца, мы послу-

жим моему сеньору, как надо. Предатель за-служил позор и бесчестие.

Однако не убивайте его сразу: мой сеньор предпочел бы получить Гавейна живым, а не мертвым, и он прав: мертвый бесчестия не боится. Поднимите всех в городе и сделайте то, что вам надлежит сделать!

МММММ
СМХХХIV

эр тут же вскочил

с лавки, а за ним последовали и городские советники.

Ах, если б вы могли видеть, с какой радостью хватались за топоры и оружие разъяренные простолюдины! Один нашел щит без ремней, другой — снял с петель дверь, а третий прибрал к рукам огромное решето.

Глашатай протрубил сбор, народ сбежался, зазвонили колокола, призывающие жителей замка к оружию. Не нашлось ни одного труса, который отказался бы взять вилы, писть, пику или молот.

Никогда еще Ломбардия не поднимала такого переполоха, дабы напасть на одну-единственную улитку.

Не было малыша, который не поспешил бы на эту войну, держа в руках какое-нибудь сделанное из палки оружие. Так что, гибель всерьез угрожала монсеньеру Гавейну, и ему оставалось положиться только на Господа Бога.

Правда, и отважная девушка поклялась не бросать в беде своего верного рыцаря, когда увидела толпу разъяренных, галдящих, потрясающих дубинками торговцев.

МММММ
СМЛV

— -у! — закричала она, —
канальи, бешеные собаки, грязные
подонки! Какая нечистая сила привела вас сюда?
Кого ищете вы в моем доме, чего требуете? Да
лишит вас Господь навеки здоровья и счастья!

Клянусь, вы не получите рыцаря, который
находится здесь, но, если будет угодно Богу,

одни из вас погибнут, а другие останутся калеками; я уж не знаю, сколько вас таких будет.

Рыцарь прибыл сюда не по воздуху и не тайными тропами: его прислал ко мне брат, попросивший, чтоб я обошлась с нашим гостем, как с родственником.

И вы называете меня порочной за то, что я свято блюду законы гостеприимства? Пусть услышит тот, кто захочет услышать: никогда я не позволяла рыцарю чрезмерных вольностей и не помышляла ни о каком безумстве.

Знайте же: я в большой обиде на вас за то, что вы меня опозорили, выхватив из ножен мечи на пороге моей комнаты. Думаю, вы и сами не ведали, что творили. А если ведали, то не жду от вас пояснений, ибо я вне себя от ярости!

МММММ
СМЛХХХIV

ока длилась эта

гневная отповедь, толпа разрубила топорами дверь пополам, но Гавейн не позволил ворваться ни од-

ному из бесчинствующих горожан: он так ударил мечом первого, что остальные, испугавшись, не посмели идти дальше.

Каждый трясся от страха за собственную жалкую жизнь. Не нашлось смельчака, который решился бы на сражение с грозным рыцарем, осмелился бы поднять на него руку или сделать хоть шаг вперед.

МММММММ

храбрая девица

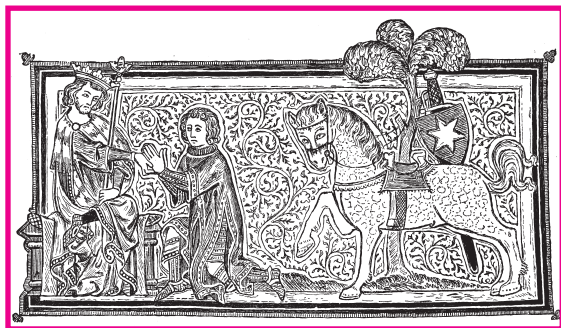
поднимала с пола шахматные фигуры и метко швыряла их в нападающих. Подобрал подол платья, бранясь, как может браниться только взбешенная женщина, она уверяла, что изничтожит всех, перед тем как погибнуть, во всяком случае, — многих.

Но, несмотря на это, упрямые простолюдины твердо решили разрушить башню, если ее защитники не сдадутся.

А между тем рыцарь и его подруга защищались с отчаянной смелостью, бросая в противников массивные шахматные фигуры.

Большинство горожан отступило и обратилось в бегство, не в состоянии противиться яростному отпору. И тогда простолюдины стали крушить башню ломами, как будто вознамерились не оставить от нее камня на камне, поскольку дверь в комнату девушки по-прежнему оставалась для них недоступной твердыней.

Эта дверь, прошу вас поверить, была настолько узкой и низкой, что одновременно в нее могли протиснуться только два человека, да и то с превеликим трудом. А потому наш дворянин защищал ее довольно успешно, рассекая незащищенные шлемами головы и выпуская из них мозги тех, что пытались проникнуть в комнату.

ММММММ XXVIII

бо всем этом не ведал

король, пригласивший к себе Гавейна. Тем не менее он поспешил закончить охоту и в окружении своей свиты направился к замку.

А в эти минуты зачинщики беспорядка железными ломами яростно вгрызались в подножие башни.

Но тут, уж не знаю, каким чудом, прискакал к замку на взмыленной лошади обвинитель Гавейна — Гиганбрезиль. Его очень удивили шум и удары молотов, которыми орудовали простолюдины.

Как только рыцарю сообщили о присутствии в замке Гавейна, он запретил всякому, дорожившему собственной жизнью, выворачивать из башни хотя бы один камень.

Но простолюдины завопили, что, вопреки его приказу, не откажутся от своего намерения и разрушат башню сегодня же. Пусть она рухнет на него и на того, кто окажется рядом с ним, — вот как они говорили.

Убедившись, что толпу не остановить никакими утешениями, Гиганбрезиль поспешил навстречу молодому королю, дабы предупредить его о безобразиях, учиненных торговцами и простолюдинами. Он застал своего сеньора выезжающим из лесу и рассказал обо всем, чему стал свидетелем:

— Сир, вас покрыли позором и мэр, и городские советники, которые с утра осаждают главную башню и стремительно разрушают ее. Если они не поплатятся за это, я, пожалуй, зато в душе обиду. Мне довелось обвинить Гавейна в измене, о чем вам давно известно, но вы оказали ему гостеприимство в своем доме. В таком случае было бы справедливо и разумно, чтобы ваш гость не подвергался позору и оскорблениям.

МММММММ
LXXI

Гиганбрезиль услышал

ответ, который ему понравился:

— Поверь, как только мы прибудем в замок, все безобразия прекратятся. То, что про-

изошло, возмущает меня как правителя, могу поклясться!

Если мои люди смертельно ненавидят Гавейна, я не вправе на них обижаться. Но во имя своей чести я не должен допустить, чтобы его ранили или пленили. Рыцарь будет под моей защитой, поскольку именно я оказал ему гостеприимство.

Разговаривая, они быстро добрались до башни, возле которой бесчинствовали ремесленники и торговцы. Король тут же повелел управителю, чтобы тот удалился, а его люди прекратили безобразия. Толпа не сразу, но подчинилась приказу: простолюдины разбрелись кто куда, и вскоре возле башни не осталось ни единого человека.

ММММММ
ХСІ

аго сказать, что

неподалеку жил дворянин, уроженец этого города, к советам которого все прислушивались, поскольку слыл он человеком весьма разумным. Узнав обо всем, что произошло в замке, он явился к королю и сказал ему вот что:

— Сир, именно сейчас вы нуждаетесь в добром и честном совете. Не удивительно, что на того, кто предательски убил вашего отца, напали в этих краях. Гавейна здесь смертельно ненавидят, и ненавидят справедливо, как вам известно.

Но поскольку вы оказали ему гостеприимство, нельзя допустить, чтобы он оказался в тюрьме или, что еще хуже, погиб. А спасение и защиту гостю должен обеспечить Гиганбрезиль, присутствующий здесь: ведь это он при дворе короля Артура обвинил Гавейна в измене.

Не сомневаюсь: монсеньер прибыл к вам только затем, чтобы защитить свою честь. Но я советую отложить эту битву на год, отправив его на поиски копья, с наконечника которого постоянно капает кровь: вытереть этот наконечник досуха невозможно.

Пусть рыцарь доставит вам копье, а если не сможет, — отдав себя в вашу власть, окажется в плену, как это случилось сегодня. У вас не будет лучшего случая посадить его в тюрьму. Соглашайтесь. Пока он силен, вам с ним не справиться. Всеми возможными и невозможными способами нужно ослаблять того, кого ненавидишь. Предоставьте вашему лютomu врагу самому отправиться на поиски мучений, — вот мой совет.

Коли честь тебе дорога (а иначе и жизнь к чему?), — ты не станешь казнить врага, если гость он в твоём доме. Ты накормишь, нальёшь вина и предложишь врагу ночлег, даже если его вина в этот миг на устах у всех. И снабдит его в холода тёплым платьём твоя рука, и направит врага туда, где он сгинет наверху.

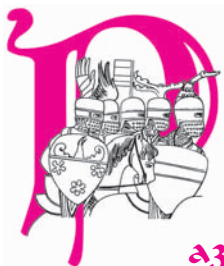
МММММММ
СХХІХ

айдя эти слова

дворянина достаточно мудрыми, правитель поблагодарил его. Затем, пригласив с собой разумного советчика и Гиганбрезия, он направился в башню к сестре, которую застал в сильном гневе.

Она бросилась ему навстречу вместе с монсеньером Гавейном, державшимся, как всегда, мужественно и невозмутимо. Гиганбрезиль поклонился девушке и, подойдя к бесстрастному Гавейну, произнес следующее:

— Монсеньер, я взял вас под свою защиту, но при условии, что у вас не хватит наглости войти в замок или проникнуть в город, принадлежащий моему сеньору. Надеюсь, вы соизволите обойти его стороной. О том, как с вами поступили сегодня, говорить не стоит.

МММММММ
СХLXI

азнебанный Гавейн

вознамерился ответить вассалу короля, но его опередил дворянин, слывший разумным и мудрым:

— Сир, как правда то, что я прошу помощи у Господа нашего, так правда и то, что ваше дело можно легко уладить.

С кого спросить за нападение горожан? Споры будут длиться и не закончатся до Судного дня. Но все должно быть выполнено согласно воле нашего короля, здесь присутствующего.

Он просит, чтобы Гиганбрезиль и вы отложили поединок на один-два года, и господин Гавейн ушел, дав перед этим слово моему сеньору, что принесет ему год спустя, без всякой задержки, копье, с острия которого каплет кровь.

Ибо написано, что настанет час, когда царство Огр¹, бывшее некогда землей Огроф, будет разо-

---

¹ Ogre (франц.) — людоед.

рено этим копьем. И, как требует наш король, вы оба должны поклясться, что исполните его волю.

— Могу сказать одно, — отвечал монсеньер Гавейн, — я лучше умру здесь или буду изнывать в плену долгих семь лет, чем дам подобную клятву. Я не так уж боюсь смерти и скорее погибну с честью, нежели соглашусь жить в позоре, нарушив слово.

— Дорогой сеньор, — возразил разумный дворянин, — вы никогда не будете опорочены, и, я думаю, ваше положение не станет хуже, если правильно поймете мои слова. Повторяю: вы должны поклясться, что сделаете все возможное, дабы найти копьё.

Но если вы его не отыщете, то вернитесь сюда добровольно и таким образом сдержите свою клятву.

— На условиях, которые вы предложили мне, я согласен поклясться.

ковчежец, и Гавейн поклялся приложить все мыслимые и немыслимые усилия к поискам кровоточащего копья. А это означало, что поединок между ним и Гиганбрезилем откладывается на год.

Таким образом, монсеньер избежал гибели, вернее, ему удалось ее отодвинуть. Прежде чем покинуть башню, рыцарь попрощался с девушкой и приказал своим слугам возвратиться в родную страну, забрав с собой всех лошадей, за исключением Грингалета, которого он оставил себе.

Обливаясь слезами, слуги простились со своим сеньором. Ни о них, ни о печали девушки я рассказывать не стану, ибо и сам с трудом удерживаюсь от слез.

Что же касается монсеньера Гавейна, мы покинем его ненадолго и только затем, чтобы вернуться к нашему Персевалю.

МММММ
МССХVII

ерсеваль, как

повествует легенда, совсем потерял память; он забыл даже Бога.

В пятый раз пролетели апрель и май, то есть прошло целых пять лет, прежде чем он вошел в церковь Божью, чтоб поклониться Господу и кресту Его.

Все эти годы валлиец жил, не отказываясь от славных рыцарских подвигов. А приключения, опасные и необычайно трудные, он находил в таком количестве, что смог испытать себя в полной мере, и не было подвига, коего Персеваль не довел бы до конца. Ко двору короля Артура за это время он отправил, взяв в плен, шестьдесят отважных знатных рыцарей.

Вот каким образом прожил наш юный герой пять лет, ни разу не вспомнив про Бога.

ММММММММ
ССХХХХVIIII

о истечении пяти

лет случилось так, что, пересекая пустыню в полном вооружении, Персеваль встретил трех рыцарей. Они сопровождали женщин, головы которых были покрыты капюшонами. Все десять женщин, облаченные в грубые шерстяные одежды, брели пешком и при этом без какой бы то ни было обуви.

Заметив незнакомца, держащего копье и щит, дамы несказанно удивились: они шли на покаяние, дабы искупить грехи, совершенные ими, и спасти свои души.

Один из трех рыцарей, остановив Персеваля, спросил:

— Скажите, господин, веруете ли вы в Иисуса Христа, сотворившего Новый Завет и даровавшего его христианам? Если да, то неразумно и несправедливо носить оружие в день, когда Иисус Христос был распят.

МММММММ
СССЛХІ

Вардиси, не ижевший

ни малейшего представления о дне, часе, или о том, какая стоит погода, настолько было измучено его сердце, — спросил в ответ:

— Что сегодня за день?

— Как, сеньор? Вы не знаете? Сегодня Страстная Пятница, день, когда нужно поклоняться кресту и замаливать грехи свои. Ибо сегодня был распят Тот, Кого предали за тридцать динариев, Тот, Кто был безгрешен, но видел грехопадение мира и потому в облике человеческого претерпел за наши грехи.

Был Он воистину Сыном Божиим, так как Дева родила Его от Святого Духа. И Бог стал плотью и кровью, и Божественность облачилась в человеческое тело, истинно говорю. Тот, кто не верит в это, никогда не увидит живого Иисуса, родившегося от Девы нашей Богородицы, принявшего облик человеческий, но сохранившего при этом сущность Божественную.

В этот день, брат мой, Его распяли и смертью Своей Он освободил от адских мук всех Своих последователей. Святой гибелью спас Он от смерти живых и воскресил мертвых. Коварные и завистливые иудеи, которых надо истреблять, как бешеных собак, накликали на себя несчастье, ставшее счастьем для нас, ибо теперь они влачат этот тяжкий крест; они погубили себя, а нас — спасли.

И всякий, верующий в Спасителя, должен покаяться в содеянном, и сегодня он не имеет права носить при себе оружие ни на поле брани, ни в дороге. Опомнись, брат мой!

— Но откуда вы идете? — спросил Персеваль.

— Сир, неподалеку, в лесу, поселился добрый человек, отшельник; он, как всякий святой человек, живет только ради славы Небесной.

— Во имя Господа Бога, что вы там делали? О чем просили?

— Ну как же, сир, — удивилась одна из женщин, — мы попросили у него помощи и совета, да исповедовались в грехах наших. Мы исполнили то, что должен сделать любой христианин, если он хочет прийти к Богу.

Бесхитростные слова женщины проникли прямо в душу Персеваля, и он разрыдался, как

ребенок. Успокоившись, юноша вознамерился немедленно навестить святого отшельника и переговорить с ним.

— Я сейчас же отправлюсь, — вскричал он, — к этому святому человеку, если вы укажете мне тропинку, что может к нему привести!

— Сир, вам следует идти не сворачивая, по той дороге, на которой вы встретили нас; продираться сквозь густой кустарник, находя гирлянды из вербы; мы сплели их собственными руками, когда шли сюда. Эти знаки мы оставили намеренно, чтобы никто не заблудился, идя к святому отшельнику.

ММММММ
СССХХХ

тогда, отдавшись
на милость Божию, не задавая больше вопросов, Персеваль ступил на заветную тропу, печалась в глубине души, поскольку чувствовал свою вину перед Господом Богом. Слезы текли по его щекам, пока шаг за шагом он углублялся в чащу.

Добравшись до пещеры, юноша спешил, разоружился, привязал коня к дереву и поспешил к отшельнику, который был в это время в маленькой часовне вместе со священником и певчим.

Они только-только начали службу, самую торжественную из всех и самую жизнеутверждающую.

Войдя в часовню, Персеваль замер в молчании, и святой человек немедленно подозвал его, заметив в глазах рыцаря искреннее раскаяние и слезы. Персеваль, опасавшийся, что не проявил должного почтения к Богу, поклонился отшельнику, затем упал на колени и, перекрестившись, взмолился о помощи, в которой так остро нуждался.

Изменяет разум, слабеет
плоть, и навстречу тьма
раскрывает пасть. Но
с высот следит за тобой Гос-
подь, не давая в бездну тебе
упасть. Он легко срыбает по-
кровы мглы, очищая небо за пя-
тью пядь, и тогда приходят Его
послы, чтоб тропу к спасению
указать. Коль снадет с очей тво-
их пелена, ты увидишь, дух за-
калив в борьбе, как свежа, ду-
шиста и зелена ветвь, что Бог
протягивает тебе.

МММММММ
СССЛХ

вятый человек призвал

рыцаря исповедоваться, объяснив, что грехи не могут быть отпущены без правдивой исповеди и покаяния.

— Сир, — начал Персеваль, — вот уже пять лет, как я не знаю, на каком свете живу: я забыл о Боге, не верил в Бога, а только и делал, что неустанно творил зло.

— Мой бедный друг, — отвечал святой человек, — поведай, что привело тебя к этому, почему ты повел себя так, а не иначе, и моли Господа нашего сжалиться над твоей грешной душой.

— Сир, однажды я попал во дворец Короля-Рыбака, где увидел копьё, наконечник кото-

рого сочился кровью, клянусь Богом. Но я не решился спросить ни о копье, ни о крови, которую оно источало.

С тех пор, это уж точно, дела мои совершенно разладились. И о Чаше Грааля (она тоже была там) я опять-таки не спросил, не узнал, кому она служит.

Тогда я и впал в тоску и даже призывал к себе смерть. В печали своей я позабыл о Боге, отчаялся до такой степени, что никогда не молил Господа о милосердии и ничего не делал, как теперь понимаю, чтобы заслужить Его прощение.

— Ах, дорогой господин,— спросил святой человек,— не можешь ли ты назвать свое имя?

— Персеваль, сир,— ответил молодой рыцарь.

МММММММ
СССХС

твет юноши заставил

отшельника тяжело вздохнуть: о да, он знал это имя. Помолчав, святой человек произнес:

— Друг мой, причина твоих несчастий — грех, о котором ты не ведаешь. Это боль, пронзившая сердце твоей бедной матери, когда ты ее покинул. Она лишилась чувств перед воротами замка и умерла от горя.

Тяжкий грех и помешал тебе спросить о копье и о Чаше Грааля. Из-за него с тобой приключилось множество бед, которые могли бы кончиться смертью, если бы мать не молила за тебя Господа.

Знай, что ее молитву Он милостиво принял, и ради твоей матушки уберег тебя от тюрьмы и отвел от гибели. Грех замкнул твои уста, когда ты увидел наконечник, с которого капала кровь, и ты не спросил, в чем же причина этого.

Ты не попытался узнать, кому служит Чаша Грааля, и поступил, как безумец. Тот, кому она служит, — мой родной брат. Наша сестра была твоей матерью; а Король-Рыбак — сын короля, которому служит Грааль.

Не думай, что у него во множестве водятся щуки, миноги или сомы: единственная облатка, что приносят ему в Граале, дает жизненные силы этому праведному человеку.

Чаша Грааля — священна, а он настолько духовен, что для поддержания жизни ему не требуется ничего, кроме облатки, принесенной в Граале.

Вот уже пятнадцать лет Король-Рыбак не выходит из комнаты, в которую (как ты мог наблюдать) вносили Грааль.

Теперь я назначу тебе наказание во искупление твоего тяжкого греха.

— Я этого страстно желаю, — воскликнул Персеваль, — и притом от всей души! А поскольку моя мать была вашей сестрой, вы должны называть меня племянником, а я вас — дядей и любить еще крепче.

друг; но выслушай меня сначала: коль ты пожелал спасти свою душу, кайся в сердце своем и каждый день посещай церковь. Так ты искупишь грех.

Ни под каким предлогом, если ты увидишь обитель, церковь или часовню, не отказывайся туда войти. Иди, как только услышишь звон колоколов, иди до звона колоколов, если ты

уже на ногах. Плоть твою это не обременит, а душе твоей станет легче.

Если служба уже началась, войди и оставайся в храме до тех пор, пока священник не произнесет последнюю молитву. Коль на то будет твоя воля, ты сможешь совершенствоваться в вере, будешь пользоваться почестями и попадешь в рай.

Веруй в Бога, возлюби Бога, живи в Боге. Уважай достойных мужчин и женщин. Увидев священника, вставай, выказывая почтение. Господь оценит подобное поведение, поскольку это — не что иное, как проявление смирения.

Если девушка попросит твоей защиты, приди ей на помощь и будешь преисполнен радости; поступи так же по отношению к вдове или к сироте. Подаяние прекрасно. Помогая, ты совершаешь благое дело. Ни за что на свете не отказывайся творить добро.

Ты должен исполнить все, что я предписал, если хочешь вернуть себе благодать, без которой тебе столь тяжело. Скажи, способен ли ты на такие действия?

— Да! — ответил Персеваль с радостью.

— Тогда прошу тебя погостить несколько дней в этой обители и в качестве наказания принимать ту же пищу, что принимаю я.

MMMMMM
COLXXX

ерсевадь согласился

и на это. Отшельник долго шептал ему на ухо молитву, которую рыцарь повторял, пока не выучил наизусть. В молитве содержалось много имен Господа нашего, и наиболее важные могли быть произнесены человеческими устами разве что под угрозой смерти.

Когда отшельник убедился, что юноша запомнил молитву, он запретил употреблять ее всуе, исключая, конечно, те обстоятельства, которые могут грозить Персевалю гибелью.

— Да, я остерегусь произносить ее, сир,— пообещал рыцарь.

МММММММ
СДХСII

аким образом, наш герой остался в святой обители. Он прослушал Божественную мессу, и она наполнила его радостью. После службы Персеваль поцеловал крест, осознал свои грехи и горько раскаялся.

Этот день он провел в мире и покое. А вечером рыцарь удовольствовался тем, чем накормил его святой отшельник, — сухими травами, купырем, салатом, жерухой, пшеничными и овсяными лепешками и чистой родниковой водой. Его коню дали сена, меру овса и определили в теплую конюшню: за ним ухаживали, как подобает.

В конце концов Персеваль уразумел, что Иисус принял смерть в Страстную Пятницу и что был распят за грехи человеческие. В Воскресение рыцарь причастился с большим смирением.

Придется мне прервать свой рассказ о Персевале, поскольку я жажду поведать вам оключениях монсеньера Гавейна. Но это не озна-

чает, что мы никогда более не вернемся к нашему юному герою.

ММММММ
DXXIX

онсеньер Гавейн

проделал немалый путь с тех пор, как покинул башню и простолюдинов, пытавшихся учинить над ним расправу.

Между девятью часами и полуднем он на полном скаку достиг вершины холма, где увидел высокий и мощный дуб, густая крона которого отбрасывала прохладную тень. Гавейн заметил щит, висящий на ветке, и прислоненное к дереву копье.

Подъехав к дубу поближе, рыцарь обнаружил маленького норвежского коня. Все это его весьма озадачило. Если бы, к примеру, конь был боевым, Гавейн предположил бы, что некий сеньор, путешествующий по этим лесам и долинам, желая совершить подвиг, отважно забрался на вершину холма.

Дерево, конь, конье, а на ветке — шит. Что за приметы, рыцарь? К чему они? Здесь, на холме, где чистый ручей журчит, руки свои омой, отдохни в тени. Пение птиц послушай. Шмеля полет, бабочки танец, вкрадчивый проследи. Ляг на траву и не торопись вперед: может, не так уж радостно вперед. Может быть, там — бесчестье, дурной молвы ропот, когда надежда по швам трещит?.. Спи... Но белят подняться тебе, увы, дерево, конь, конье и на ветке шит.

Приглядевшись, Гавейн различил сидящую под деревом девушку. Ее можно было б назвать красивой, будь она улыбчивой и веселой. Но девушка раскачивалась, стонала, рвала на себе волосы и выглядела убитой горем: она скорбела о рыцаре, чьи глаза и губы еще недавно столь жарко целовала.

ММММММММ
DL

огда монсеньер

Гавейн приблизился к ней, он увидел и рыцаря: лицо его было обезображено; на голове зияла широкая рана, нанесенная мечом, из бедра лилась кровь. Рыцарь, вероятно, не раз терял сознание от боли, пока наконец не обрел вечный покой, а может, просто заснул. Но монсеньер Гавейн пока не мог определить, кто перед ним: живой или мертвец.

— Милая госпожа,— обратился он к девушке,— что вы думаете о состоянии рыцаря, чья голова лежит у вас на коленях?

— Можете убедиться сами, — отвечала девушка, — что раны его очень опасны. Хватило бы и самой малой из этих ран, чтобы навсегда покинуть наш скорбный мир.

— А не согласились бы вы, — попросил Гавейн, — разбудить его, если это возможно: я хотел бы разузнать у вашего друга, как обстоят дела в этих неизвестных краях.

— Сир, я не стану его будить! — возмутилась девушка. — Лучше уж пусть меня живой разрубят на куски! Никогда я не любила мужчину так сильно и, думаю, что уже не полюблю до конца своей жизни. Надо воистину обезуметь и потерять стыд, чтобы нарушить сон человека, отдыхающего от жгучей боли!

— В таком случае, я сам его разбужу, — сказал монсеньер Гавейн, — решено.

MMMMMM
DLXXXII

и перевернул копы и

тупой стороной дотронулся до шпоры рыцаря, не причинив тому ни боли, ни малейшего неудоб-

ства. Вместо того чтобы возмутиться, очнувшийся рыцарь взглянул на Гавейна с признательностью.

— Сир, тысячу раз благодарю вас, — сказал он, — вы разбудили меня так нежно, что я не почувствовал боли. Но умоляю вас: не покидайте этот холм, иначе немедленно попадете в беду! Оставайтесь здесь, последуйте моему совету.

— Остаться? Но почему же?

— Я расскажу вам, — вздохнул раненый, — если вы и вправду хотите. Ни один рыцарь, покинувший это место, дабы пересечь поле или поскакать по неровной дороге, не пришел назад, ибо именно здесь установлен межевой столб страны Гальвии.

Ни один рыцарь не может ступить за этот столб, и никто еще не вернулся оттуда живым, кроме, разве что, меня. Но и я претерпел такое, что и до ночи, вероятно, не дотяну, поскольку встретил там рыцаря, бесстрашного и безжалостного. Никогда я не мерялся силами с таким храбрым и крепким рыцарем. Советую не спускаться с холма, а незамедлительно повернуть обратно.

ММММММ
DCXV

— **Лово чести,— воскликнул**
монсеньер Гавейн,— было бы постыдно сейчас же отправиться назад! Я пришел сюда не для этого.

Будет справедлив тот, кто усмотрит в подобном действии омерзительную трусость, если, ступив на опасный путь, я вдруг начну колебаться. Ну уж нет, я немедленно двинусь дальше, пока не узнаю, почему никто не может вернуться оттуда живым!

— Я вижу, вы тверды в своем решении,— вздохнул раненый рыцарь.— Конечно, вы пойдете туда, раз жаждете приумножить ваши доблесть и славу. Но выслушайте тогда мою просьбу: если Бог удостоит вас чести, которой ни один рыцарь никогда не был и, я думаю, не будет удостоен,— вернитесь сюда непременно, и тогда вы увидите, покинул я этот мир или выздоровел.

Если я буду мертв, во имя милости Божией и Святой Троицы, позаботьтесь о моей подруге, чтобы она вовек не узнала ни бедности, ни позора, ибо Господь никогда не создавал и не создаст такой благородной, доброй и хорошо воспитанной девушки. Сейчас она пребывает в скорби, и это вполне понятно, ведь смертный час мой уже довольно близок.

Монсеньер Гавейн поклялся, что если он не будет заключен в тюрьму или не столкнется с другими неприятностями, то вернется сюда, а девушке, коли та лишится возлюбленного, окажет всяческую помощь и даст достойный совет.

МММММ
МОСЛVII

опрошавшись,

Гавейн оставил их и поехал своей дорогой, нигде не останавливаясь, через долины и леса, пока не встретился ему укрепленный замок, одной стороной обращенный к морю и флоту, ничем не ус-

тупавшему флоту города Павии, настолько благородно он выглядел.

С другой стороны замка простирались виноградники и большой лес, густой и стройный, расположенный в низовьях широкой реки, опоясывающей стены замка и впадающей в море. Таким образом, замок и город были надежно защищены со всех сторон.

МММММММ
DCLXXII

ерейдя мост,

монсеньер Гавейн вошел в город, и вскоре добрался до самого укрепленного места.

Под высокой березой, растущей на поляне перед замком, он увидел красавицу; она разглядывала в зеркале свое нежное лицо и грудь, что была белее снега. Голову девушки украшал тонкий золотой обруч.

Монсеньер Гавейн, пришпорив коня, тут же помчался к ней, но, заметив его, красавица прокричала:

— Тише, тише, сир, да будет вам! Вы мчитесь сломя голову, не надо так гнать, можно ведь и разбиться. В конце концов, вас примут за разбойника или сумасшедшего!

— Да благословит вас Бог, — сказал монсеньер Гавейн, — ответьте мне, милая девушка, что вы подумали перед тем, как призвать меня к сдержанности? Вы ведь не знаете ни моих мыслей, ни причины моего появления.

— Клянусь, рыцарь, мне известны все ваши мысли.

— И каковы же они? — удивился он.

— Вы задумали увезти меня, посадив перед собой на коня.

— Что ж, догадка ваша верна.

— Несомненно! — сказала девушка. — Но будь проклят тот, кого посетила такая мысль! Упаси вас Бог попытаться предпринять что-либо в этом духе!

Я не из тех взбалмошных бретонок, которыми забавляются рыцари, увозя их на крупах своих лошадей, когда отправляются на поиски приключений. Со мной у вас ничего не выйдет!

Однако если вы все же решитесь, я могу пойти на уступки. Но при одном условии: приведите на эту поляну моего боевого коня. Тогда

я буду следовать за вами неотступно до тех пор, пока мое присутствие не принесет вам боль, позор или несчастье.

— Требуется ли что-нибудь еще, кроме моей решимости?

— Ничего, о безумный вассал!

— Но, госпожа, а мой конь — что будет с ним, если сам я пройду там, где вы указали? Ему не пробраться по той доске: она слишком узкая и тонкая.

— Что ж, рыцарь, оставьте коня мне, вы перейдете на ту сторону пешком. Я буду стеречь вашего скакуна ровно столько, сколько мне удастся его удерживать.

Но поторопитесь, долго это не продлится, разве что он не будет брыкаться, стремясь последовать за вами. Ко всему прочему, у меня могут отобрать коня силой еще до того, как вы вернетесь.

— Правота на вашей стороне, — вздохнул он. — Коли у вас его отберут, пусть будет так. И даже если конь от вас убежит, пусть так и будет, ибо ничего другого я вам сказать не могу.

ММММММ
СССХЛII

ту же минуту

Гавейн оставил ей Грингалета и ушел, не забыв прихватить с собой все свое оружие на случай, если встретит в саду того, кто запретит ему увести коня красавицы и с кем в конце концов монсеньеру придется сразиться.

Не без труда пройдя по узкой и тонкой доске, рыцарь вынужден был остановиться перед толпой людей. Они удивленно воззрились на него и хором заговорили:

— Гореть тебе в аду, девушка, сотворившая столько зла! Будь ты проклята за то, что никогда не любила ни одного благородного человека. Из-за тебя многим отрубили головы, — о, это непереносимо!

Рыцарь, желающий увести боевого коня, тебе неведомы беды, которые обрушатся на тебя, как только ты к нему прикоснешься! Ах, незнакомец, не приближайся к злосчастному скакуну! Ты бежал бы от него без оглядки, если б знал заранее, на какой позор, на какие муки себя обречешь!

МММММММ
СССЛXVII

от что говорили

люди, пытаясь убедить монсеньера Гавейна не идти дальше, а повернуть назад. Но эти просьбы, эти стенания не заставили его отказаться от своих намерений.

Рыцарь продвигался вперед, встречая все новые и новые толпы людей, которые постоянно твердили одно и то же.

Наконец, монсеньер Гавейн приблизился к боевому коню своенравной красавицы и протянул руку, чтобы схватить его за уздечку. Но могучий рыцарь, до этой минуты спокойно сидевший под сливой, тут же вскочил на ноги:

— Эй,— закричал он,— зря ты пришел за конем! Боже тебя упаси дотронуться до него, с твоей стороны это было бы проявлением безумия! Конечно, тебя не проймают ни мои предуждения, ни запреты, если ты вознамерился уйти вместе с ним, но советую, не мешкая, повернуть обратно, ибо далеко отсюда, если ты его все-таки уведешь, тебя ожидают серьезные неприятности.

О, не раз еще будет сердце
твое разбито, и несчаст-
тье, тебя сломившее,
повторится. Зло опасно, когда
прекрасным лицом прикрыто.
Я давно это знаю, ты уж по-
верь мне, рыцарь. Неужели весь
разум ты растерял в сражени-
ях и не видишь, что групп твой
подвиг во славу девы? Сколько
лжи и коварства в плавных ее
движениях: на погибель послав,
не спросит: «Мой рыцарь, где
вы?» Но, красой ослепленный,
в некло идешь покорно за други-
ми вослед (ну, право, баранов
стаго!). Не прельщайся цвет-
ком заманчивым травки сор-
ной. Не тянись за пурпурной
ягодой, полной яда!

— Я ни за что не откажусь от коня, дорогой друг, — отвечал монсеньер Гавейн, — ибо де-вушка, которая рассматривает себя в зеркальце, сидя под березой, послала меня за ним. И если я не приведу ей скакуна, то зачем же я шел сюда? Я покрою себя на этой земле бесчестьем и буду считаться трусом.

— Но с тобой поступят прескверно, отважный друг, — промолвил высокий рыцарь. — Клянусь Господом Богом, Отцом нашим, Кому я хочу вручить свою душу: ни один храбрец не сумел взять коня без того, чтобы ему впоследствии не отрубили голову.

Боюсь, что и ты пострадаешь; и когда я советую оставить коня в покое, то не думаю ни о чем дурном, истинная правда! Я не стану тебе мешать, и ни один из присутствующих здесь мужчин не запретит тебе совершить опрометчивый поступок, но ты ступишь на весьма опасную тропу, если решишься вывести коня отсюда.

Предупреждаю еще раз, рыцарь: поверни назад, не то лишишься головы.

МММММ
МССССХХ

о Гавейн и не

подумал прислушать-

ся к его словам. Он направился к доске вместе с конем, пропустив скакуна вперед. Голова у скакуна была с одной стороны черной, а с другой — белой, и конь прекрасно знал, как пройти по доске, ибо проделывал это не один раз.

Монсеньер Гавейн взял его за шелковую уздечку и поспешил к заветной березе — дереву, под которым сидела девушка, не отрывающая глаз от небольшого зеркальца. Красавица сбросила накидку и развязала корсаж, чтобы как следует разглядеть свое лицо и вдоволь налюбоваться грудью.

Гавейн подвел к девушке оседланного коня и сказал:

— Поднимитесь, прекрасная госпожа, и я помогу вам на него забраться.

— Да не позволит вам Господь хвастаться, — прошипела девушка, — где бы вы ни жили, что хоть раз сжимали меня в своих грязных объятиях! Если бы вы просто коснулись моей одежды или, не дай Бог, слегка дотронулись до меня, я и тогда посчитала бы себя опозоренной. И более того: я предпочла бы, чтоб мне вырезали в месте прикосновения кожу и плоть до самой кости!

Отойдите, оставьте мне коня: я сама на него взберусь. Я не нуждаюсь в вашей помощи, и да позволит мне Бог увидеть то, что случится с вами сегодня, — вот, о чем я мечтаю!

Еще до наступления ночи меня всласть потешит это забавное зрелище. Скачите, куда вам хочется, но не прикасаясь ни к моему телу, ни к моей одежде. А я буду следовать за вами до тех пор, пока по воле Бога вас не настигнет кара, которая вам принесет позор, а другим — много горя. Не сомневайтесь: я сумею сделать так, что скоро вы окажетесь в плачевном состоянии. Гибель неизбежна, безумный рыцарь!

МММММММ
DCCCLXIX

монсеньер Гавейн

выслушал молча все, что сказала заносчивая девица. Ничего не ответив, он только передал ей уздечку боевого коня, а она возвратила рыцарю его Грингалета.

Но тут монсеньеру Гавейну пришло в голову поднять с земли накидку красавицы. Злоба вспыхнула в глазах гордой девицы: она была не из тех, кто остерегается оскорблять рыцаря.

— Вассал! — закричала девушка, — какое вам дело до моей одежды? Я не такая простушка, как думаете вы, навязчивый невежа! У меня нет ни малейшего желания принимать услуги того, чьи руки недостаточно чисты, чтобы держать мою накидку, а тем более набрасывать ее на меня.

По какому праву вы намереваетесь взять то, к чему прикасаются мои глаза, губы, лоб или мое лицо? Да лишит меня Бог Своих милостей, если хоть когда-нибудь я поймаю себя на том, что нуждаюсь в вашей унижительной помощи!

МММММММ
DCCCLXXV

овко вскочив на

коня, девушка укрепила нагрудник и завязала накидку.

— Рыцарь, скачите в любую сторону. Но я буду следовать за вами, пока не увижу, как из-за меня вы покроете себя позором. И это произойдет сегодня же, если Богу будет угодно!

Монсеньер Гавейн ничего не ответил бранящейся девице: он не мог выдавить из себя ни слова. В конце концов, удрученный, рыцарь взобрался на коня и отправился в путь. Гордячка неотступно следовала за ним, как, впрочем, и обещала.

Через некоторое время Гавейн повернул к дубу, под которым оставил плачущую девушку и рыцаря, столь сильно нуждавшегося в услугах лекаря.

Монсеньер лучше, чем кто-либо другой, умел залечивать раны. Он заметил в кустах траву, мгновенно успокаивающую боль, причиняемую ранами, и, спрыгнув на землю, сорвал ее.

Вскоре Гавейн увидел девушку, продолжавшую сидеть под деревом и причитать над своим

возлюбленным. Она в сильном волнении бросилась ему навстречу и прокричала:

— О сеньор, я думаю, что мой рыцарь отдал Богу душу, ибо он ничего не слышит и ни на что не отвечает!

ММММММММ
СМХХИ

онсеньер Гавейн

спешился и, обследовав рыцаря, обнаружил у него сильный пульс. К тому же губы и щеки раненого еще не сковал смертный холод.

— Ваш возлюбленный,— ласково сказал Гавейн,— жив, а не мертв, будьте уверены, ибо пульс у него нормальный и он ровно дышит. И если раны не смертельны, то трава, которую я с собой принес, улучшит его состояние и частично облегчит боль, как только мы приложим ее к телу раненого.

Для открытых ран нет лечебной травы лучше этой. В трактатах написано, что она обладает чудесными свойствами, и, если ее приложить к коре

больного дерева, при условии, что оно не высохло полностью, — корни его оживут, а на ветках появятся листья и даже цветы. Ваш друг, любезная госпожа, не опасался бы смерти, если бы знал, какое лекарство я для него нашел.

Но также необходим очень тонкий и чистый платок, из которого можно сделать бинты.

— Я дам, — решительно отвечала девушка, — то, что покрывает мою голову, ничего более подходящего у меня просто нет.

МММММ
МСМЛІV

на сняла с головы

чепец, сшитый из тончайшего белого батиста, и монсеньер Гавейн разрезал его на узкие полосы. Приложив к ранам рыцаря лечебную траву, Гавейн старательно перевязал их нарезанными из чепца бинтами. Переставшая рыдать девушка помогала ему во всем.

Монсеньер сидел возле рыцаря до тех пор, пока раненый не открыл глаза и не промолвил:

— Да вознаградит Бог того, кто вернул мне дар речи, ибо я действительно боялся умереть, не причастившись и не исповедовавшись! Толпа чертей уже пришла по мою душу. Прежде чем похоронят мое тело, мне хотелось бы исповедаться, чтобы не попасть прямиком в ад.

Я знаком со священником, что живет неподалеку; к нему и поеду, если, конечно, меня посадят на лошадь. Таким образом, я покаюсь в грехах, и он причастит меня.

Смерть не будет столь страшна, коль я исповедуюсь и причащусь. Но окажите услугу: дайте мне лошадь всадника, который скачет сюда рысью.

МММММММ
СМЛХХХIV

слышав это, монсеньер

Гавейн обернулся и действительно заметил всадника: вид его устроил бы кого угодно. Попробую рассказать вам о нем подробнее.

Космы всадника были рыжими, взлохмаченными и жесткими, как у свиньи; такими же были и брови, нависшие над красными набрякшими веками, а над верхней губой топорщились длинные закрученные усы.

Рот его казался невероятно широким; густая борода раздваивалась, курчавясь; голова вросла в плечи, а грудь выпирала горбом.

Монсеньеру Гавейну не терпелось отправить-ся навстречу всаднику, дабы немедленно отобрать у него боевого коня. Но перед этим рыцарь посчитал необходимым сказать раненому:

— Друг, да поможет мне Господь наш! Не знаю, кто этот всадник, но я скорее отдал бы вам семь своих лошадей, когда б они были при мне, нежели боевого коня, принадлежащего ему.

— Сир,— отвечал тот,— будьте уверены, мысли этого всадника заняты только одним: какое бы зло вам сейчас причинить.

ММММ
ММММ

монсеньер Гавеин,

которому робость была не свойственна, приблизился к опасному всаднику и вежливо поинтересовался, куда же он так спешит. Тот, в котором ни на грош не было благородства, ответил:

— Не твоего ума дело, вассал, куда я еду и откуда, а также — по какой дороге собираюсь двигаться дальше! Да постигнут тебя всевозможные беды и злоключения!

Пришедший в ярость Гавеин немедленно наградил грубияна оплеухой, к тому же весьма ощутимой, поскольку рука монсеньера была в железной перчатке, а в удар он постарался вложить всю силу своего гнева.

Всадник свалился с коня, как мешок с зерном. Семь раз он пытался подняться и семь раз вновь падал без чувств. Но вот что интересно: распластавшись на земле, всадник занимал места не более, чем сосновое копьё. Когда грубиян окончательно пришел в себя, он гневно прорычал:

— Вассал, ты посмел меня ударить!

— Да,— отвечал Гавейн,— я ударил тебя, но не покалечил. Возможно, я погорячился напрасно, да сохранит тебя Бог! Но твой ответ показался мне глупым и оскорбительным.

— Так знай: и тебя не минует жестокая кара. Ты потеряешь кисть левой руки, а также всю правую руку, которой нанес мне удар. Не жди теперь от меня ни прощения, ни пощады!

МММММ
МММММ

ока длилась их

перепалка, раненый рыцарь, чья голова по-прежнему лежала на коленях у девушки, успел восстановить свои силы. Поднявшись с земли, он сказал монсеньеру Гавейну:

— Оставьте этого всадника, дорогой сеньор, ничего хорошего вы от него не услышите. Подведите ко мне его боевого коня, прошу вас, и помогите подняться девушке, которая не покинула меня в тяжкие часы.

Подтяните сбрую ее скакуна и усадите мою подругу в седло. Нет никакой пользы от моего пребывания здесь; сяду я на этого коня и отправлюсь на поиски места, где смогу исповедаться, ибо не успокоюсь, пока не буду причащен Святыми Дарами. Я ведь до сих пор ни разу не исповедался и не причастился.

раздумывая, схватил за узду боевого коня и передал его рыцарю, который пришел в себя настолько, что смог наконец разглядеть лицо монсеньера Гавейна и понять, что своего спасителя он видит не первый раз.

Что до самого монсеньера, то он взял на себя заботу о девушке и усадил ее на лошадь, как и подобает благородному и любезному рыцарю.

А тем временем раненый ловко вскочил на коня монсеньера Гавейна и начал гарцевать на нем так, словно несколько минут назад не истекал кровью и не корчился от невыносимой боли.

Монсеньер Гавейн, заметив, как тот скачет по холму, весьма удивился и сказал:

— Ах, рыцарь, то, что я вижу, — безумство. Вы гарцуете на моем коне. Слезайте с него, ибо можете упасть и ваши раны снова откроются.

— Закрой рот, Гавейн! — закричал рыцарь, продолжая скакать, — ты поступишь умно, если возьмешь себе другого коня, — своего ты уже потерял. Я заставил его гарцевать и теперь уведу с собой, можешь с ним попрощаться!

— Ну и дела! Я прибыл сюда, чтобы помочь тебе, а ты хочешь отплатить мне злом? Не уводи моего коня, ты совершишь предательство.

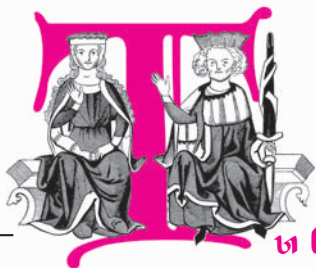
— За это оскорбление, Гавейн, я могу вырвать из твоей груди сердце и раздавить его собственными руками!

— Твои угрозы напомнили мне поговорку, — отвечал Гавейн: — «За добрый поступок — шею ломают», разве не так?

Клянусь, мне не терпится узнать, почему ты украл моего коня, а к тому же так страстно желаешь вырвать из груди мое сердце! Я никогда не прилагал усилий, чтобы навредить тебе, а, напротив, делал одно добро.

Уверен, что не заслужил такого гнусного отношения с твоей стороны, ведь, насколько мне известно, до сегодняшнего дня я тебя никогда не видел.

Не скупится зло: от его щедрот не избавят ни явь, ни сон. Жизнь твоя, когда изменяет тот, кто тобою же был спасен. Под пятой преломится тонкий наст, вея холодом пустоты, в час когда тебя ни за грош предаст та, которую любил ты. Лжет подруга, меч обнажил вассал, от обиды в очах темно... Почему любил и зачем спасал, лишь Всевышнему знать дано.

МММММ
ММСІХ

ы видел меня, Гавеин,

видел, когда обрекал на позор! Или ты предпочел позабыть того, кто из-за тебя целый месяц кормился вместе с собаками, ползая со связанными за спиной руками? Знай же: сейчас ты расплачиваешься за собственную подлость!

— А-а, так ты — Грегореас, взявший девушку силой и получивший от этого удовольствие?

Ты отлично знал, что девушки на землях короля Артура находятся под его покровительством. Дабы защитить их, король и принял меры, обеспечивающие им безопасность во время путешествий.

Никогда не поверю, что ты возненавидел меня из-за собственного грязного преступления и что именно это побуждает тебя угрожать мне, ибо я всего лишь исполнял законы, действующие на всей земле короля Артура.

— Исполняя законы, Гавеин, ты нанес мне немалый ущерб, и этого я не забыл. Зато теперь у меня появилась возможность отомстить: я уведу

с собой твоего Гринголета. А ты возьмешь коня всадника, свалившегося на землю от одной твоей оплеухи. Другого выхода у тебя попросту нет, клянусь!

МММММ
ММСХЛ

, припориб коней,

Грегореас вместе со своей подружкой покинул обескураженного Гавейна.

А злая девица, неотступно следовавшая за монсеньером, рассмеявшись, сказала:

— Ну что, вассал, заплатились за свою глупость? Не зря говорят: «Простота — хуже воровства». Теперь-то вы понимаете, что я приношу вам одни несчастья, да сохранит меня Бог? И все же я охотно последую за вами, куда бы вы ни направились.

Ах, как было бы славно, окажись боевой конь, которого вы забрали у всадника, кобылой! Тогда ваш позор развеселил бы меня еще больше!

МММММ
ММCLVIII

онсеньер Габейн

(а что ему еще оставалось?), вздохнув, вскочил на боевого коня, скакавшего весьма неуклюже по той причине, что он родился тяжеловесом. Этот конь был уродлив и с виду: с огромной головой, вислоухий, с желтыми редкими зубами.

Губы его не смыкались на два пальца, а мутные глаза, словно остекленели или заволоклись бельмами. Ноги коня были покрыты струпьями, а ребра выпирали, сплошь израненные шпорами. Конь был худым, ужасно нескладным, с отвисшим задом и непомерно длинной и тонкой шеей.

Что до сбруи, — ее заменяли веревки. Седло стерлось от времени. Стремена оказались такими короткими и хрупкими, что опираться на них было просто небезопасно.

— Ну вот, теперь все в порядке! — ехидная девушка не упустила возможности позлословить. — Теперь я счастлива вдвойне и готова

незамедлительно мчаться, куда вы пожелаете. Я буду с удовольствием следовать за вами восемь, а то и пятнадцать дней подряд; меня устроят и три недели, и даже месяц.

Вы достойно экипированы и восседаете на прекрасном коне; наконец-то вы выглядите как рыцарь, сопровождающий даму! Надеюсь, что я неплохо развлекусь, наблюдая за вашими невзгодами.

Пришпорьте слегка своего скакуна, испытайте его, не бойтесь: он, конечно же, резвый и быстрый. Я буду следовать за вами, согласно договору, и не покину, пока вы не покроете себя позором. А уж этого вам не избежать, обещаю!

— Можете говорить, что угодно, любезная госпожа. Но учтите: злословие не к лицу благородной девице. И если ей уже более десяти лет, она должна быть воспитанной, вежливой и учтивой.

— Рыцарь Несчастья, мне наплевать на ваши нравоучения. Вы выглядите столь плачевно, что лучше вам ехать молча!

МММММ
ММССХХ

е обмениваясь

более ни словом и даже не глядя друг на друга, монсеньер и девушка, имени которой он не знал и не пытался узнать, скакали до самого вечера; он — впереди, она — сзади.

Рыцарь, надо сказать, изрядно намучился со своим неуклюжим конем: от уродца невозможно было добиться ни галопа, ни рыси, ни иноходи.

Если всадник пытался его пришпорить, животное сворачивало на самую неудобную тропу, где его сильно заносило. Будучи не в состоянии терпеть бесконечную тряску, Гавейн пустил коня тихой ходой.

Так он и следовал через густые безлюдные леса, пока не выехал к долине, где протекала глубокая и настолько широкая река, что ника-

кое ядро самой мощной пушки или мортиры не перелетело бы эту реку. Что до стрелы, выпущенной из арбалета, то она точно бы не достигла другого берега.

А ведь именно там виднелся удобно расположенный каменный замок. Богатый и роскошный (не думаю, что можно сказать о нем как-то иначе), он был воздвигнут почти на краю обрыва и так хорошо укреплен, что казался творением не человеческих рук, а Божьих.

Гавейну еще никогда не попадался такой чудесный, сложенный из мраморных плит дворец. В солнечных лучах сияло не менее пятисот открытых окон, в оконных нишах стояли дамы и девушки, бросающие взоры на поля и сады, простирающиеся перед ними. Девушки были облачены в одежду из атласа, а большинство дам — в шелковые туники, расшитые золотом.

МММММ
ММССЛІІІ

ри этом девушки

с искусно украшенными прическами стояли у окон так, что их стройные фигурки были видны до пояса.

Между тем самое злобное в мире создание, сопровождавшее монсеньера Гавейна, уже приближилось к берегу реки.

Своенравная девица остановилась и ловко прыгнула на землю с белого в яблоках коня: она первой обнаружила на берегу лодку, прикованную к валуну цепью с внушительного вида замком. В лодке находилось весло, а на камне лежал ключ от замка.

Дерзкая спутница Гавейна, не мешкая, села в лодку; следом за ней туда вошел конь, которому, видать, подобные трюки были не в диковинку.

ММММММ
МССLXXIII

ассал! — приказала

гордячка, — попытайтесь спешиться, если вы не забыли, как это делается, и ступайте сюда вместе с этим подобием коня, что отоцал более, чем кукушка зимой.

Немедленно отвяжите лодку, иначе очень скоро вам придется сожалеть, что не переплыли на тот берег или не исчезли отсюда быстрее молнии.

— О чем, любезная госпожа, вы толкуете?

— Похоже, вы не замечаете того, что открыто мне, рыцарь? Иначе б вы не стояли с разинутым ртом, а неслись сломя голову!

Монсеньер Гавейн обернулся и увидел, что прямо через поле к ним скачет вооруженный до зубов рыцарь.

— Окажите мне любезность, — сказал он девушке, — поведайте, кто этот человек? Он си-

дит на моем коне, которого украл изменник, излеченный мною от ран не далее, как сегодня утром.

— О святой Мартин, вы узнаете все! — ответила повеселевшая девушка. — Уж будьте уверены, я ни за что на свете не назвала бы вам его имени, если бы не узрела для себя в этом определенную выгоду.

Но поскольку я точно знаю, что всадник принесет вам беду, — не стану скрывать, кто он. Вы видите племянника Грегореаса, которого тот послал в погоню за вами.

Поверите ли, этот юноша получил от дяди приказ преследовать вас до тех пор, пока не убьет, поскольку Грегореасу просто-таки не терпится получить в дар вашу глупую голову. А посему я советую поскорее спешиться, сесть в эту лодку и отчалить.

— Мне и в голову не придет спастись бегством; я спокойно дождусь его здесь.

— Ну что ж, пренебрегши моим советом, вы воистину развлечете наскоками и погоней вон тех красивых девушек, застывших у окон в своих изысканных одеждах.

Ради вас они там стоят, ради вас собрались. Их ликование будет безмерным, как только красотки увидят, что вы замертво свалились на землю.

Да-а, вы и впрямь выглядите как рыцарь, твердо решивший сразиться со своим грозным противником!

— Чего бы мне это ни стоило, я не отступлюсь и поскачу навстречу этому всаднику, ибо мне выпала отличная возможность вернуть своего коня, которому я весьма возрадуюсь!

ММММММ
МСССХХХ

, не теряя ни секунды,
Гавейн повернул облезлую животину навстречу тому, кто мчался, как ветер, прищпоривая могучего Гринголета.

Монсеньер так резко поднялся в стременах, что левое стремя тут же лопнуло; тогда он выгацил ногу из правого стремени и стал ждать рыцаря, поскольку конь, оставленный в наследство Гавейну, не сдвинулся с места. Как монсеньер ни прищпоривал тупую скотину, она упорно стояла на своем.

— Увы, — вздохнул Гавейн. — тяжело рыцарю, сидящему на кляче, если он хочет проявить себя в поединке!

В это мгновенье верхом на коне, который не хромал и не оступался, на Гавейна бросился рыцарь и копьем нанес удар такой силы, что оно сломалось, оставив свое острие в щите монсеньера. Гавейн ответил ударом в верхнюю часть щита своего врага, да так, что, пробив насквозь и щит, и кольчугу рыцаря, копье сбросило противника на землю.

Схватив за уздечку Гринголета, Гавейн стремительно покинул уродливую клячу и, ликуя, опустился в привычное для него седло. Возвращение любимого скакуна наполнило сердце Гавейна такой радостью, какой он до сих пор не испытывал.

Герой с победным видом повернулся к девушке, но, увы, она исчезла вместе с лодкой, в которой сидела. Как ни странно, Гавейна это весьма опечалило: он не успел узнать ни ее имени, ни почему она так озлобилась.

МММММММ
МСССЛХХІ

обольно скоро

монсеньер заметил другую лодку: покинув берег, где находился красивый замок, она приближалась к рыцарю. Как только лодка причалила, сидящий в ней человек сказал:

— Сир, я привез вам привет от благородных дам, которые просят вас не удерживать то, что принадлежит мне по праву. Верните его, и тогда я не буду считать вас моим врагом.

— Да благословит Господь благородных дам и тебя самого! Ты никогда по моей вине не мог потерять того, что было твоей собственностью. Я даже не намеревался посягать на твое имущество. Расскажи мне хотя бы, как выглядит то, что ты просишь вернуть!

— Сир, только что вы победили рыцаря, конь которого должен перейти ко мне. Ежели вы пришли с добром, отдайте коня, прошу вас!

— Друг мой, — отвечал Гавейн, — это невозможно, ибо тогда мне придется путешествовать, полагаясь исключительно на собственные ноги!

— Эй, рыцарь! Вы — человек нечестный! Благородные дамы, которых вы видите в окнах, посчитают большим грехом ваш отказ вернуть мне мое имущество.

Никогда еще не случалось такого и даже о таком не рассказывалось, чтоб на берегу, где мы с вами стоим, победили рыцаря, а мне, коли я об этом прознал, не достался скакун побежденного!

Что ж, если вы не уступите коня, я хотел бы получить рыцаря.

Гавейн произнес:

— Друг мой, берите рыцаря, я не возражаю. Везите его к себе.

— Он еще не настолько плох, честное слово, — засомневался лодочник. — Сдается мне, вам придется хорошо потрудиться, дабы его пленить, коли он будет (а в этом я почему-то уверен) как следует защищаться. Однако если вы такой уж смельчак, поторопитесь: свяжите его и приведите ко мне, и тогда можно считать, что мы с вами в расчете.

— Скажи мне, если я спешусь, могу ли я быть уверен, что конь никуда не денется?

— Ну да, — ответил лодочник, — я буду честно его охранять и верну вам по первому требованию. У меня и в мыслях не было обмануть вас, могу поклясться!

— Что ж, доверяю тебе коня, держи свое слово!

ММММ
МММ
СДХХІХ

Гавейн соскочил на

землю и бросил уздечку лодочнику, который не преминул еще раз поклясться, что будет коню верным стражем. И только тогда, обнажив меч, монсеньер подошел к рыцарю, лежащему на траве неподвижно, поскольку несчастный был ранен в бок и потерял много крови.

— Сир, не вижу причины скрывать от вас, — прерывающимся от страха голосом сказал рыцарь, — что я тяжело ранен; из меня вытекли реки крови. Делайте со мной, что хотите.

— Так встаньте же! — приказал монсеньер Гавейн.

Рыцарь, хотя и с трудом, поднялся, и Гавейн повел его к лодочнику, который поклонился обоим. Монсеньер не смог сдержать любопытства и спросил лодочника о девушке, столь удивившей его своими злобными выходками: герою не терпелось узнать, почему она исчезла и куда направилась.

— Сир, — учтиво отвечал лодочник, — пусть это вас не заботит, ибо, куда бы она ни пошла, зло будет ей верным спутником. Девушка, которой вы интересуетесь, хуже сатаны: она виновна в том, что в этих местах не один рыцарь лишился головы.

Если вы мне доверяете, переночуйте как гость в моем доме: не в ваших интересах задерживаться здесь, в краю, полном дикости и опасности.

— Ну что ж, друг мой, пожалуй, прислушаюсь к вашему совету, чтобы не накликать на себя очередную беду.

Не стущайся, рыцарь, задай вопрос, разомкни наконечник уста. Перевозчик этот не так уж прост, да и лодочка не проста. Мотыльком летишь ты на блеск хором, чтоб, коснувшись огня, сгореть. Может, имя лодочника — Харон, а твоя переправа — смерть? Может быть, и замок — лишь сон во сне, что растает за лодкой вслед — в час, когда окажешься в той стране, из которой возврата нет?

МММММММ
МСОLXIX

ледуя за лодочником,

Гавейн взял коня за уздечку, сел в лодку, и она быстро отчалила. Вскоре они добрались до противоположного берега, и Гавейн увидел дом лодочника, удобный и опрятный: в нем можно было принять даже знатную особу.

Лодочник проводил в свои покои гостя, а также пленника, выказав при этом необыкновенную радость и учтивость.

Все изысканные яства, достойные благородного дворянина, были предоставлены обоим рыцарям. На ужин подали ржанок, фазанов, куропаток, разные соленья и копченья; что касается вин, — были крепкие и легкие, белые и красные, нового урожая и выдержанные.

Подкрепленная отличной едой, беседа текла легко и непринужденно. После плотного ужина рыцарей слегка разморило. Слуги убрали со стола посуду и принесли гостям воду для омовения рук.

Кровать, на которой с наслаждением вытянулся Гавейн, была мягкой, широкой, удобной и располагала к здоровому крепкому сну. Воистину, утомленному монсеньеру был дарован достойный ночлег у достойного хозяина.

МММММММ
МСОХСІV

а следующий день,

как только занялась заря, рыцарь проснулся и, одевшись, вышел из своей комнаты. Из уважения к гостю и добрый лодочник приступил к своим хозяйским обязанностям довольно рано.

Поприветствовав друг друга, они, не сговариваясь, подошли к небольшому окну башенки.

Монсеньера Гавейна потряс великолепный ландшафт; ему открылись кудрявые рощи, обширные луга и чудесный замок, что высился на скалистом берегу реки.

— Любезный хозяин, — спросил рыцарь, — не могли бы вы назвать имя того, кому принадлежат эти земли и замечательный замок?

И лодочник, не раздумывая, ответил:

— Сир, мне сие неизвестно.

— В самом деле? Не правда ли, странно? Вы ведь сказали, что служите в замке и получаете от этого значительную выгоду. Кто же вам платит?

— Клянусь вам, — повторил лодочник, — что не знаю и никогда не знал.

— Но расскажите хотя бы, кто защищает и охраняет замок.

ММММММ
ММММММ

ир, его стерегут

— пятьсот лучников и арбалетчиков, постоянно готовых к бою. Надумай кто-нибудь напасть на замок, они будут стрелять без промаха: вот какие это воины!

Могу добавить, что во дворце живет королева, благородная и мудрая, владеющая несметным количеством серебра и золота. Обосновавшись в этой стране, она построила огромный замок, столь вам понравившийся.

Королева привезла с собой даму помладше, тоже королеву; я слышал, как она называет ее любимой дочерью. У этой дамы есть своя дочь, приходящаяся старшей королеве внучкой. Невозможно представить, что это кроткое дитя может опорочить свой род и свою матушку. Уверен, что нет под небом более красивой и более воспитанной девушки, чем принцесса.

Замок защищен колдовскими чарами, в этом вы вскорости убедитесь. Ученый астролог, прибывший сюда вместе с королевой, заколдовал чудесный дворец, да так, что едва ли вы о подобном слышали. Рыцарю, который отважится проникнуть в замок, не удастся пробыть там дольше времени, необходимого человеку, дабы целым и невредимым пройти версту; и то при условии, что ему неведомы такие пороки, как жадность и злословие.

Ни трус, ни предатель долго во дворце не задержатся, равно как подлец или безбожник. Этим в замке уж точно не выжить — они погибают быстро.

Ко всему прочему, во дворце много мужчин, прибывших отовсюду: они служат королеве и обучаются военному искусству. Их не менее пятисот, и все они разного возраста.

Сто из них — безбородые и безусые юнцы; у второй сотни усы только пробиваются; мужчины третьей сотни бреют усы и стригут бороду каждую неделю; воины четвертой — уже начинают седе́ть, а пятая состоит из тех, у кого волосы белы, как шерсть овцы.

Живут во дворце и дамы преклонного возраста, не имеющие ни мужа, ни защитника. Когда-то, после смерти супругов, эти дамы лишились всего: наследства, земель и замков; с ними поступили очень несправедливо. Есть там и девушки-сироты из благородных: их нежно опекают обе королевы.

Пожалуй, я перечислил вам всех обитателей замка, живущих, как я заметил, в бесплодном ожидании того, что никогда не сбудется. Они надеются, что однажды придет защитник, который вернет дамам имения, девушкам найдет мужей, а юношей посвятит в рыцари.

Но скорее теплое море покроется льдом, чем сыщется такой рыцарь, ибо он должен быть мудрым и щедрым, бескорыстным и красивым, благородным, смелым и честным, лишенным всяких пороков.

Если б нашелся подобный человек и остался жить здесь, он непременно вернул бы дамам земли и предотвратил множество бед. Только он

может выдать замуж девушек, посвятить юношей в рыцари и навсегда избавить замок от колдовских чар.

МММММММ
МДСV

онсеньера Габейна

эти речи весьма воодушевили.

— Любезный хозяин,— сказал он,— давайте спустимся вниз, и вы распорядитесь, чтобы мне вернули оружие и коня: я решил покинуть ваш дом немедленно.

— Но куда же вы направитесь, сир? Да сохранил вас Бог, оставались бы лучше здесь и сегодня, и завтра, и как можно дольше!

— Благодарю вас за добрые слова, но я очень спешу. Ваше гостеприимство выше всяких похвал, но я жажду познакомиться с дамами, о которых вы рассказали, и посмотреть, что за чудеса творятся в красивом замке.

— Ни слова больше, сир, это полное безумие! Если Богу будет угодно, вы не совершите опасного поступка! Оставайтесь тут.

— А, так вы считаете вашего гостя трусом! Пусть Бог покинет меня, если я последую столь немислимому совету!

— Ну что ж, сир, не стану более спорить. Я вижу: отговаривать вас бесполезно. Но я не из тех, кто бросает друзей в беде! Коль вы настаиваете на своем, я намерен сопровождать вас; никто другой этого сделать не сможет. Есть, правда, одно условие: вы должны выполнить мою просьбу.

— О какой просьбе идет речь? Говорите яснее!

— Но сперва пообещайте, что вы ее выполните!

— Любезный хозяин, я исполню любое ваше желание; конечно, лишь в том случае, если не покароу себя при этом бесчестью.

ММММ
МММДС
ХХХVIII

вот из конюшни

вывели оседланного Гринго-
лета и вернули монсеньеру Гавейну оружие.

Рыцарь бодро вскочил на своего коня, хозяин — на своего, и они поспешили к замку.

Правда, лодочник и в дороге пытался убедить монсеньера повернуть назад. Но все уговоры были напрасными.

Вскоре всадники достигли подножия лестницы, ведущей во дворец: подле нее на вязанке хвороста сидел человек. Его единственная нога, сделанная из серебра, была украшена инкрустацией и позолотой; кое-где на ней блестели золотые пластины с крупными драгоценными камнями.

Руки калеки не бездействовали; они ловко орудовали ножом, которым человек обтачивал палку, вырезанную из ясеня. Он не обратил никакого внимания на всадников.

Тогда лодочник подъехал вплотную к монсеньеру Гавейну:

— Сир, — прошептал он, — что вы думаете о человеке с искусственной ногой?

— Его нога сделана не из дерева, клянусь, — отвечал монсеньер Гавейн, — и то, что я вижу, — весьма красиво.

— Бог мой! — воскликнул лодочник, — дело в том, что человек этот разбогател за счет мзды, которую взимает за вход. Если бы я не сопровождал вас, сир, вы столкнулись бы с немалыми трудностями!

и беспрепятственно миновав ворота, всадники подъехали к дворцу, портал которого был очень высок, а двери богато отделаны: петли и кольца замков сверкали чистым золотом, если верить легенде.

Одна из дверных створок, искусно украшенная резьбой, была из слоновой кости; другая — из черного дерева и тоже узорчатая. Каждая створка мерцала золотом и драгоценными камнями.

Полы дворца были вымощены зелеными и золотистыми, фиолетовыми и темно-синими камнями, тщательно отполированными. Посреди зала стояла кровать, не деревянная, а золотая, кроме, разве что, витых прутьев, на которых лежал матрац, сделанных из серебра.

Рассказывая о роскошном ложе, я ничего не приукрасил, поверьте. На каждом его столбике висел колокольчик. Кровать была покрыта ши-

роким шелковым одеялом. В каждую ножку кровати рука искусного мастера вставила ярко-красный камень: его жар был равен свету четырех зажженных свечей.

Ложе поддерживали четыре резные фигурки на колесиках, до того легкие и подвижные, что кровать можно было перемещать из одного конца комнаты в другой прикосновением пальца. Откровенно говоря, ложе это было таким, какого никогда не имели и иметь не будут ни король, ни граф, ни даже ангел небесный.

Стены дворца, обтянутые шелковой тканью, были сложены не из простого известняка, а из мраморных плит.

Потолком служил купол с разноцветными стеклами, до того прозрачными, что сквозь них можно было увидеть каждое облачко на небе, каждую пролетающую птицу. Краски на эти стекла пошли самые яркие и качественные, лучших и вообразить невозможно.

Но я не стану утомлять вас подробным описанием. Скажу лишь, что во дворце было не менее четырехсот закрытых окон и сто открытых.

Монсеньер Гавейн, потрясенный красотой дворца, решил осмотреть все, что было ему доступно.

ММММ
МММ
СССХХХV

довлетворив свое

любопытство, рыцарь подозвал лодочника и сказал ему:

— Представьте, я не увидел здесь ничего такого, что показалось бы мне угрожающим. Объясните, что вас так сильно тревожило, когда вы отговаривали меня от нашего предприятия?

Знаете ли, мой друг, прилягу-ка я на эту кровать, чтоб немного отдохнуть, ибо никогда еще не доводилось мне спать на таком изысканном ложе.

— Нет, дорогой сеньор, упаси вас Боже приблизиться к ней, а не то что лечь! Иначе вас ждет самая лютая кара из всех, что когда-либо грозили бесстрашным рыцарям.

— Но что же мне в таком случае делать?

— Что делать, сир? Я отвечу, ибо вижу, что вы намерены уберечься от гибели. Помните,

когда мы собирались ехать сюда, я умолял вас исполнить мою просьбу, но не уточнил, какую?

Теперь я могу сказать. Прошу вас, мой храбрый рыцарь: возвращайтесь немедленно в свои края и расскажите друзьям и землякам, что видели самый чудесный дворец из всех, что существуют на белом свете!

— Хотите, чтобы Господь от меня отвернулся, и я обесчестил себя навеки? Вас оправдывает лишь то, что, предлагая подобную низость, вы желаете мне добра!

Нет, ни за какие блага на свете не откажусь я сесть на эту кровать! И, клянусь вам, друг мой, я обязательно увижу девушек, которые стояли вчера возле красивых окон!

ММММММ
МДССLXXV

одочник в ужасе

попытился, намереваясь побыстрее унести из дворца ноги, но прокричал перед этим:

— Да не увидите вы ни одной девушки, безумец! Уходите отсюда тем же путем, которым пришли. Потому что не вы, а вас разглядывают сейчас сквозь стекло потолочного окна девушки, королевы и дамы. Они, да хранит меня Бог, находятся совсем близко.

— Ну что ж! — воскликнул монсеньер Гавейн, — я хотя бы сяду на эту кровать, если мне не суждено увидеть девушек. Уверен, что подобное великолепие соорудили не иначе, как для того чтобы кто-нибудь на него прилег, к примеру, благородный рыцарь или знатная дама. Я сяду на роскошное ложе, чем бы мне это ни грозило!

Поняв, что не сможет отговорить Гавейна, лодочник заметил:

— Еще ни один рыцарь, после того как сел на дивное ложе, не остался в живых, ибо это — Чудо-Кровать, на ней никто не выспится и не отдохнет без того, чтобы не лишиться жизни. Беда неминуема: вы отдали в залог собственную голову без всякой надежды на выкуп! Коль ни моя дружба, ни мои доводы не заставили вас одуматься, да сжалится Бог над вашей душой. А я уйду, не то мое сердце разорвется от горя, не перенеся вашей гибели!

Н а одной кровати ты будешь спать после битв, пока не блеснет восход. Есть еще иная, мой друг, кровать, где твоя подруга к тебе прильнет. Ложе есть, что раны твои должно залечить, чтоб сил не иссяк запас. И другое ложе тебе дано, где от скорбных дум не смыкают глаз. На одном твой первенец закричит, наполняя гордостью грудь отца. А другое ложе тебя уличит в смертный сон, которому нет конца.

ММММММММ
ССССХVII

Лодочник со слезами

на глазах покинул дворец. А монсеньер Гавейн тут же уселся на кровать, оставив при себе оружие и щит, висящий на шее. Как только он коснулся кровати, она взвизгнула, колокольчики зазвенели, и этот шум разнесся по всему дворцу.

В распахнувшиеся, как по мановению, окна полетели стрелы. Чары начали действовать. Более пятисот стрел вонзилось в щит монсеньера Гавейна, а он все не мог понять, кто же их выпускает.

В том и состояло колдовство, что нельзя было разобрать, откуда летят стрелы и где стоят лучники, охраняющие замок. Нетрудно себе представить, какой свист производили луки и арбалеты. В это мгновение Гавейн отдал бы все богатства мира за то, чтобы не находиться там, где он сейчас находился.

Но вдруг окна захлопнулись сами по себе. Монсеньер Гавейн одну за другой вытащил стре-

лы, впившиеся в тело, и те, что вонзились в щит. Из многочисленных ран обильно струилась кровь.

Он не успел еще разобраться со стрелами, как подвергся новому испытанию: неизвестный простолюдин копьем отворил дверь, из которой, яростно рыча, выскочил чудовищной силы лев.

Зверь набросился на монсеньера Гавейна с дикой злобой, и жуткие зубы прокусили крепкий щит так легко, словно тот был сделан из воска. Ударом мощной лапы лев опрокинул рыцаря, вынудив его пасть на колени.

Вскочив так же быстро, как и упал, Гавейн обнажил свой меч и, обрушив его на страшного зверя, мгновенно отсек льву голову и две лапы. Ликование светилось в глазах рыцаря, когда он глядел на эти лапы: одна когтями пробила щит насквозь, а другая, застряв, беспомощно повисла.

Покончив со львом, Гавейн снова уселся на диковинную кровать. В ту же минуту в зал вошел радостный лодочник и торжественно заявил утомленному схваткой рыцарю:

— Вам больше нечего опасаться, сир! Можете снять доспехи. Злые чары, опутавшие дворец, — благодаря вам, потеряли свою силу. Отныне и стар и млад будут оказывать победителю всяческие почести, возблагодарим же Бога!

ММММММММ
DCCCLXXXV

и не созда: в распахнутые

двери хлынула толпа, состоящая из красивых и стройных юношей, облаченных в нарядные туники. Юноши преклонили перед рыцарем колени со словами:

— О, мужественный сеньор, мы готовы до конца жизни служить человеку, которого столько лет ждали, о котором мечтали так пылко! Вы слишком долго шли к нам, отважный рыцарь.

Тут же один из юношей подошел к монсеньору Гавейну и помог снять доспехи. Другой отвел на конюшню верного Гринголета, в ожидании хозяина бродившего возле входа в чудесный дворец.

Рыцарь еще не успел разоружиться, как в комнату вошла девушка, изящная и красивая. Голову ее украшала сверкающая диадема, а пышные ку-

дри затмевали своим блеском червонное золото. На белом лице стройной красавицы играл восхитительный румянец.

Вслед за ней в зал впорхнула стайка столь же прелестных девиц; затем чинно вошел молодой человек, который внес достойное рыцаря богатое одеяние: плащ, камзол и тунику. Плащ из алой тончайшей ткани был обшит горностаем и черным, как дикая ежевика, соболем.

Восхищенный красотой и грацией девушек, Гавейн встал, чтобы поприветствовать их, как подобает благородному рыцарю:

— Счастлив видеть вас, милые дамы!

Девушка, вошедшая первой, поклонилась ему и сказала:

— Моя госпожа, дражайший сеньор, приветствует вас! Она приказала всем девушкам считать вас законным сеньором и служить вам прилежно.

Я первой заявляю о своей преданности и насколько не сомневаюсь, что то же самое скажут мои подруги: они так жаждали вашего прихода и будут счастливы видеть в нашем замке самого благородного из всех дворян. О сир, можете не сомневаться: мы будем служить вам исправно и неустанно!

МММ
ММММ
СМХХХVІІІ

осле ее слов деушки

присели перед Гавейном в глубоком реверансе: так дамы склоняются перед господином, обязуясь служить ему. Смущенный рыцарь, разумеется, приказал им немедленно встать и расположиться в удобных для неторопливой беседы креслах.

Гавейн неизъяснимо наслаждался, созерцая этих красавиц, а кроме того, он радовался, что они признали его своим господином. Воистину, рыцарь еще никогда не был так счастлив!

Между тем к монсеньеру подошла одна из девушек и сказала:

— Моя госпожа прислала вам новое одеяние, чтобы вы облачились в него, прежде чем она с вами встретится. Будучи королевой, не лишенной доброты и мудрости, она полагает, что вам выпали на долю тяжкие испытания, что вы опечалены и, к тому же, устали.

Облачитесь в эти одежды, ведь мудрые люди, привыкнув к жаре, опасаются стужи. Моя госпожа дарит вам плащ из горностая, дабы вы никогда не мерзли, ибо как вода превращается в лед, так и кровь сворачивается в жилах от холода.

будучи и сам человеком благородным и воспитанным, ответил так:

— Пусть Бог, Который совершенен, сохранит госпожу королеву и вас, красавица, говорящая столь изящно! Несомненно, весьма мудра госпожа, чьи посланницы так учтивы. Она прекрасно осведомлена о том, что действительно необходимо рыцарю, и я благодарен ей за великолепные одежды, присланные ею. Передайте мои слова королеве, прошу вас.

— Я сделаю это с удовольствием, обещаю вам, — ответила девушка. — А вы, рыцарь, переодевшись, можете полюбоваться пейзажем из

окон, а если пожелаете, — подняться на башню, чтоб насладиться чудесными видами, пока я не вернусь к вам.

МММММ
ММСМХСІ

казав это, девица

удалилась. Монсеньер Гавейн облачился в роскошные одежды и в плащ со сверкающей драгоценной застежкой. Затем ему захотелось посмотреть, как обустроена башня.

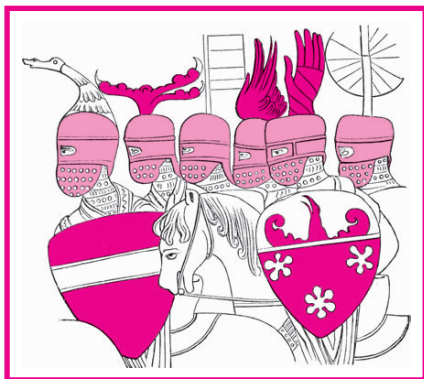
Лодочник повел рыцаря по винтовой лестнице, которая начиналась тут же и возносилась под самые своды зала. Вскоре они добрались до верхнего этажа башни, откуда им открылся пейзаж неопишуемой красоты.

Замечу, что монсеньера Гавейна весьма впечатлили река, поля и лес, где, должно быть, водилось много всяческой дичи. Потрясенный открывшимся ему великолепием, рыцарь повернулся к своему спутнику и сказал:

— Не сомневаюсь, что мне понравится охотиться и стрелять из лука в лесу, что простирается перед нами.

— Ваше желание вряд ли сбудется, сир,— отвечал лодочник,— я не раз слышал, что человек, ставший по воле Божьей хозяином здешних мест, сеньором и защитником замка, никогда не сможет его покинуть. А потому нет смысла рассуждать об охоте и о стрельбе из лука, ибо вам придется жить в замке до конца дней своих.

— Дорогой друг,— воскликнул рыцарь,— замолчите, не то я сойду с ума, если услышу эти слова еще раз! С Божьей помощью я охотно проживу здесь дней семь, но не более, коль не смогу выходить отсюда, когда мне заблагорассудится.

Все стареет: жемчужина, женщина, власть, только ветер, как прежде, упрям. То любви вынадает чербовая масть, то никобая смута разлук. Не захочешь, как перстеня, пылиться в ларие, вечным пленником быть не готов. Тошно, рыцарь, и в самом роскошном дворие, если дверь заперта на засов. Ибо ты не из тех, кто, войдя в холода, о домашнем тоскует тепле. А пространства для подвига хватит всегда,— лишь бы жизни хватило тебе.

МММММММ
ММХХХИИ

очу заметить, что

вид у монсеньера Гавейна был довольно мрачный, когда он вернулся в огромный, переливающийся всеми красками зал.

Рыцарь в расстройстве упал на изысканное ложе и не поднимался до тех пор, пока не вернулась девушка, недавно его покинувшая. Конечно же, он со всей учтивостью поприветствовал ее, вскочив с кровати, но девушка сразу заметила, что рыцаря что-то гнетет. Все же она не посмела показать, что уловила перемену в его настроении, а только промолвила:

— Сир, когда вам будет угодно, моя госпожа посетит вас. Но поскольку обед уже готов, вы можете начать трапезу прямо здесь, а если захотите, — внизу или наверху.

Гавейн ответил:

— Милая девушка, я не могу думать о еде, и да падут на меня все несчастья мира, если

я поем или возрадуюсь, пока не услышу известие, которое меня утешит, ибо мне так необходимо его услышать!

ММММММ
ММММММ

тутивились, дебушка

ушла. Вскоре ее призвала королева, чтобы расспросить об отважном рыцаре.

— Дорогая племянница, — ласково поинтересовалась она, — в каком настроении вы нашли храброго сеньора, которого Бог милосердно прислал в наш замок?

— Ах, госпожа моя, почтенная и великодушная королева, я пришла в полное уныние, поскольку из благородного и доброго сеньора невозможно вытянуть ни слова: он пребывает в раздражении и в смуте. Причину я не могу вам назвать: рыцарь мне о ней не поведал, а выпытывать я не посмела.

Увидев его впервые, я решила, что сеньор прекрасно воспитан. Так убедительно он говорил

и был столь изыскан в речах, что, созерцая его прекрасное лицо, я могла бы слушать бесконечно. Но в этот раз я застала рыцаря в столь дурном расположении духа, что мне пришла в голову вот такая мысль: он скорее предпочтет умереть, чем навсегда остаться в нашем замке.

— Дорогая племянница, не мучай себя! Надеюсь, рыцарь успокоится и развеселится, как только меня увидит: в сердце его не может быть такой печали, которую мне бы не удалось развеять. Поверь, совсем скоро его тоска непременно сменится радостью.

МММММММ
ММХСІІІ

Королева отправила в большой зал в сопровождении другой королевы, мечтающей познакомиться с рыцарем поближе. За ними последовали сто пятьдесят девишек и юношей.

Как только монсеньер Гавейн увидел сановных дам, сердце его затрепетало: он много слы-

шал о владелице замка и сразу узнал ее по гордой осанке и длинным седым косам.

На королеве было платье из белого шелка, украшенное искусно вышитыми золотыми цветами. Монсеньер Гавейн, невзирая на дурное расположение духа, поспешил ей навстречу и склонил голову, приветствуя царственную особу. Королева милостиво ответила на его поклон и сказала:

— Я много лет была владелицей замка, а теперь передаю бразды правления вам, рыцарь, ибо вы это заслужили. Но все же мне хотелось бы знать, принадлежите ли вы к придворным короля Артура?

— Да, госпожа, так и есть.

— Скажите также, много ли у вас на счету героических подвигов, сопровождает ли вас повсюду громкая слава?

— Не думаю, госпожа.

— Я верю вам. Но являетесь ли вы рыцарем Круглого Стола, одним из самых знаменитых рыцарей на земле?

— Госпожа моя, — отвечал Гавейн, — осмелюсь утверждать одно: если я не отношу себя к лучшим, то и к худшим я не отношу себя также.

— Сеньор, вы проявляете скромность и благородство, причисляя себя не к самым лучшим

и не к самым презренным. Но ответьте, сколько сыновей родила жена короля Лота?

— Их четверо, госпожа.

— Назовите мне имена, рыцарь!

— Гавейн — первенец; второй — Агравен Горделивый с грубыми руками. Имена младших — Гариетт и Герее.

МММММММ
ММСХЛИИ

оролева продолжила
беседу:

— Сир, да поможет вам Господь наш! Имена вы назвали правильно. Было бы замечательно, если бы все, о ком вы упомянули, оказались у меня во дворце! Но скажите: знакомы ли вы с королем Уриеном?

— Да, госпожа.

— Состоит ли при дворе хоть один его сын?

— Да, госпожа, сыновей двое, и оба они знамениты. Одного зовут монсеньер Ивейн; это любезный, хорошо воспитанный рыцарь. Я был бы

рад видетъся с ним хоть каждый Божий день, поскольку считаю монсеньера мудрым и благородным.

Что до второго, его имя — тоже Ивейн; он — сводный брат первого, и поэтому прозван Бастардом. Рыцарь так силен, что побеждает всякого, кто меряется с ним силой. Оба состоят при дворе, необыкновенно смелы, умны и чрезвычайно галантны.

— Скажите, — спросила владелица замка, — а король Артур, как он себя чувствует?

— Лучше, чем когда-либо, госпожа. Он с каждым днем становится крепче, сильнее и невероятно подвижен.

— Это вполне естественно, сир, ибо король — еще ребенок! Полагаю, что ему всего-навсего лет сто, не больше. Но расскажите мне, сир, как ведет себя королева, коль вам это не в тягость!

— О, поверьте, она настолько любезна, насколько мудра и красива. Господь Бог еще не создал такой страны, где бы можно было встретить столь изысканную и разумную даму.

С тех пор как Бог сотворил Еву из ребра Адама, мир не рождал женщины, которая превосходила бы королеву красотой и благочестием.

Как мудрый наставник учит маленьких детей, так моя госпожа королева учит и воспиты-

вает все наше человечество. Благодаря ей творится добро, она излучает свет, который распространяется по всему миру.

Никто не уйдет от королевы, не получив помощи, ибо она прекрасно знает нужды каждого, а также, — что надо сделать, дабы всем было приятно. Никто не ведет себя столь достойно и благородно, как тот, кого обучила моя королева. И сильная печаль охватывает его, если, сам того не желая, он огорчит свою госпожу.

— Я думаю, мы с ней похожи, рыцарь.

Гавейн, — так оно и есть, ибо до того, как я вас увидел, мне все здесь не нравилось, настолько я был удручен и опечален. А сейчас я счастлив и весел, и даже больше, чем когда-либо.

— Сир, благодаря Богу, свидетелю моего рождения, — продолжала королева с седыми косами, — ваша радость удвоится, и счастье будет всегда вам сопутствовать!

Но коль ваше настроение изменилось к лучшему, а обед уже готов, — вы можете приступить к еде либо наверху, либо в нижних апартаментах.

— Госпожа, я не желаю покидать этот зал, поскольку мне сказали, что никогда еще ни один рыцарь здесь не обедал.

— Да, сир, поскольку ни один рыцарь не осматривался в живых дольше времени, необходимого для прохождения одной версты, а то и половины.

— Госпожа, я пообедаю здесь, если вы мне позволите.

— Охотно, сир, и вы станете первым рыцарем, который этого удостоился.

в свои покои, а с Гавейном остались сто пятьдесят самых прелестных девушек; они обедали с ним в большом зале, прислуживая рыцарю и занимая его приятными разговорами.

Еду подавали слуги, их было не менее ста: одни — совсем седые, другие — начинающие седеть, а некоторые — еще безбородые и безусые. Несколько человек неотлучно находились при монсеньере Гавейне: в их обязанности входило разрезать мясо и разливать вино.

Монсеньер с удовольствием ел сам и щедро угощал мудрого лодочника, сидевшего рядом с ним. Обед длился дольше, чем праздник Рождества, ибо наступила уже глухая ночь и догорело немало факелов. За едой велись учтивые беседы, время от времени прерываемые танцами и хороводами.

Когда пришло время сна, все почтительно попрощались с монсеньером Гавейном, который стал для них воплощением наивысшей храбрости, ума и благородства.

МММММММ
ММССLVIII

очувствовав, что

глаза его слипаются, а рот раздрает зевота, рыцарь лег на Чудо-Кровать. Одна из девушек

подложила ему под голову подушку, набитую таким нежнейшим пухом, что Гавейн уснул почти мгновенно, и сон его был глубоким и сладким.

Проснувшись солнечным, ясным утром, рыцарь обнаружил, что ему приготовили одежды из шелка и горноста. Вошедший в комнату лодочник помог монсеньеру одеться и ополоснуть лицо и руки.

Когда рыцарь умылся и облачился в новый изысканный наряд, в комнату заглянула Кларисса, девушка трудолюбивая, пригожая и учтивая в речах.

Поприветствовав нашего героя, она немедленно отправилась к бабушке-королеве, которая крепко обняла ее и спросила:

— Дитя мое, из уважения, кое вы обязаны ко мне питать, скажите, проснулся ли рыцарь?

— Да, госпожа, и уже, по-видимому, давно.

— И что он поделывает, дорогое дитя?

— Госпожа, рыцарь отправился в башню, и я не знаю, как долго он там пробудет.

— Дитя мое, я хочу навестить его, и, если Господь поможет, наш защитник целый день будет наслаждаться радостью и покоем.

МММММ
МММСС
LXXIV

владелица замка,

пригласив с собой королеву-дочь, поспешила к монсеньеру Гавейну. Она обнаружила его в башне, возле слухового окна.

Гавейн и лодочник не отрывали глаз от красивой девушки, идущей по лугу, расположенному на другом берегу. Ее сопровождал вооруженный рыцарь.

Итак, обе королевы застали монсеньера Гавейна и лодочника, стоящими у окна.

— Сир,— сказали благородные дамы,— да сложится этот день для вас счастливо! Пусть он принесет вам отдых и развлечения. Да наградит вас всеми дарами Родившая на свет Сына Божия!

— О госпожи, пусть радость наполнит ваши сердца! Да благословит вас Тот, Кто послал Своего Сына на землю, дабы сотворить христианство! Но не могли бы вы подойти к этому окну и

сказать мне, как зовут девушку, идущую вместе с рыцарем, на щите которого изображен крест?

— Охотно вам объясню, — ответила владелица замка, выглянув из окна. — Это та самая девица, которая изводила вас злобными насмешками, — да гореть ей в аду! Не стоит о ней беспокоиться: она слишком горда и спесива.

Что до ее спутника, — будьте уверены: он превосходит в силе и храбрости всех смелых рыцарей, живущих на белом свете. Поединок с ним — дело непростое: он на моих глазах убил на этом берегу многих отважных воинов.

МММММ
МММССС
ХХІІІ

осножа! — взмолился

Гавейн, — позвольте мне поговорить с этой гордой девицей. Я не успел задать ей вопросы, которые не дают мне спокойно спать по ночам.

— Сир, Всемогуший Господь не допустит, чтобы я разрешила вам стать несчастным! Пусть злая девушка идет своей дорогой. Нет, вы не по-

кинете пределов моего замка, иначе случится беда! Вы никогда отсюда не выйдете, если не вознамерились навредить нам.

— Ах, благородная королева, то, что вы говорите, меня удручает! Я посчитал бы свою судьбу ужасной, если бы мне сказали, что этот прекрасный дворец может стать для меня тюрьмой. Да будет угодно Богу, чтобы я не оказался вашим пленником на долгие годы!

— О госпожа, — вздохнул мудрый лодочник, — пусть он поступает, как хочет. Не удерживайте нашего спасителя силой: он может умереть от горя.

— Ну что ж, я разрешу рыцарю выйти, — молвила королева, — но при условии, что он возвратится к вечеру, если Бог сохранит ему жизнь.

— Госпожа, — отвечал Гавейн, — не беспокойтесь, я вернусь. Только смерть может помешать мне сдержать слово. Но прошу вас об одном: не пытайтесь узнать мое имя раньше, чем истекут семь дней, если вас это, конечно, не затруднит.

— Да будет так, сир. Коль вы настаиваете, я усмирю свое любопытство, — сказала королева, — поскольку не желаю, чтоб вы почувствовали ко мне неприязнь, хотя первое, что я хотела бы сейчас узнать, — это ваше имя.

МММММ
МММССС
LXI

огда Гавейн спустился

с башни, юноши уже ждали его с доспехами, в которые он тут же облачился. Рыцарю доставили верного коня, и он вскочил на него во всеоружии.

В отличном расположении духа и в сопровождении верного лодочника монсеньер Гавейн поспешил переправиться на другой берег. Оба сели в лодку и так дружно налегли на весла, что вскоре преодолели реку.

Пока они плыли, вооруженный рыцарь, стоящий рядом с гордой и безжалостной девушкой, спросил у нее:

— Дорогая подруга, известно ли вам имя воина, который направляется сюда в лодке?

— Нет, — ответила девушка, — я знаю только то, что человек, интересующий вас столь живо, привел меня вчера на этот берег.

— Да сохранит вас Бог! — сказал рыцарь. — Именно он мне и нужен. Я опасался, что негодяй от меня ускользнул. Вы ведь знаете:

нет такого рыцаря, рожденного женщиной, который, преодолев Гальвийский перевал, сумел бы похвастаться тем, что ему удалось вернуться обратно. И этот тоже отсюда не уйдет, как и все другие, коль Господь сделал так, что он плывет прямо ко мне.

ММММММММ
МСССХСII

не успел монсеньер

ступить на берег, как рыцарь бросился на него, пришпорив своего коня и прикрывшись щитом, даже не потрудившись объявить, что вызывает Гавейна на поединок. Монсеньер вскочил на своего Гринголета и, схватив копьё, помчался навстречу противнику.

Он сумел нанести врагу удар, выбивший того из седла, но не смертельный, ибо доспехи рыцаря были настолько прочными, что рана оказалась неглубокой. Рыцарь быстро вскочил и только тогда заметил, что из пробитого копьём бедра струится кровь, обагрывая серебряные доспехи.

Тем не менее, обнажив меч, он попытался продолжить сражение, но не смог устоять на ногах и вынужден был просить пощады. Сжалившись над противником, монсеньер Гавейн передал его лодочнику, наблюдавшему за битвой.

Что до спесивой девушки, то она тут же спешила. Гавейн, не мешкая, приблизился к ней: он не мог допустить, чтобы надменная беглянка ускользнула от него снова.

— Садитесь-ка на лошадь, любезная подруга, — повелел он, — здесь я вас не оставляю; мы вместе переберемся на другой берег.

— Вот потеха, — рассмеялась злая девушка, — что-то вы загордились, рыцарь! Это сражение было б не столь коротким, если б моего друга не ослабили прежние раны. И вы бы не осмелились шутить, а молчали, подобно тому, кто играет в шахматы.

Откройте мне правду: неужели вы и впрямь вообразили себя лучшим? Нередко случается, и вам это известно, что слабый побеждает сильного. Подойдите-ка со мной вон к тому дереву и сделайте то же, что и мой друг, который сейчас сидит в вашей лодке, тогда я соглашусь признать, что вы сильнее его, и больше не буду вас презирать.

— Если нужно подойти туда, девушка, — отвечал Гавейн, — ничто не мешает мне исполнить вашу скромную просьбу.

— Да будет угодно Богу, — молвила она, —
чтобы я увидела, каким вы оттуда вернетесь!

девица направились к дереву: она впереди, он
следом. Дамы, наблюдающие за ними из окна,
рвали на себе волосы и одежды, причитая:

— Горе нам! Лучше погибнуть, нежели ви-
деть, как идет на смерть и мучения тот, кто дол-
жен был стать нашим правителем! Негодяйка
уводит его туда, откуда не вернулся еще ни один
храбрец. Увы, сердца наши ранены, ибо мы ви-
дим, как доблестного защитника, дарованного нам
Господом, злобная мерзавка отправляет на вер-
ную гибель!

МММММ МММСД LXVII

ни плакали и стонали,

поскольку Гавейн упрямо следовал за коварной искусительницей. Наконец, монсеньер приблизился к вышеупомянутому дереву и сказал на-смешнице:

— Ответьте, любезная госпожа, можно ли считать, что отныне мы с вами в расчете? Если вы приготовили мне дальнейшие испытания, — назовите их: ради вас я сделаю все, что в моих силах!

— Видите ли вы Брод, — отвечала она, — что находится между скалистыми берегами? Мой друг всегда пользовался им, когда я просила нарвать мне цветов, растущих под деревьями вон на той поляне.

— Но как же он переходил реку? Я не вижу здесь никакого Брода. Река слишком глубока, а берега слишком круты!

— Я так и думала, что вы ни на что не осмелитесь! — усмехнулась девушка. — Только настоящему храбрецу по силам преодолеть реку.

Брод настолько опасен, что слабак ни за что не решится им воспользоваться, могу поклясться!

МММММ
МММСД
ХСVIII

язвленный монсеньер

Гавейн немедленно направил своего коня к обрыву. Наклонившись, рыцарь разглядел участок, где быстрая река немного сужалась. Он подумал, что его Гринголет преодолевал немало пропастей, куда более широких по сравнению с этой рекой.

К тому же Гавейну вдруг припомнилось, что герой, сумевший преодолеть опасный Брод, будет награжден с лихвой и прославится на весь белый свет.

Он отъехал от края обрыва на некоторое расстояние, а затем вновь помчался туда во весь опор, дабы, разогнавшись, перескочить на противоположный берег. Увы, бесстрашный рыцарь просчитался и вместе с верным конем оказался на середине глубокой реки.

Но конь был столь крепок и быстр, что, оттолкнувшись от песчаного дна всеми четырьмя ногами, выпрыгнул из воды и опустился на том берегу, куда так страстно желал попасть монсеньер Гавейн.

Гринголет, надо сказать, затратил на прыжок столько усилий, что после этого застыл как вкопанный, не в силах двинуться с места.

Монсеньер Гавейн быстро спешил, чтобы дать коню отдохнуть, затем снял седло и положил его на траву, дабы оно высохло. Освободив коня от сбруи, он окатил водой его спину, бока и ноги. Затем вновь оседлал, сел на него верхом и поехал шагом.

Спустя некоторое время Гавейн увидел одинокого рыцаря, который охотился с соколом. Впереди мчались три собаки; они гнались за птицами. Такого красивого всадника Гавейн еще никогда не встречал.

Так спадает, рыцарь, за
слоем слой, если двига-
ешься вперед: ты врага
за первой сразил скалой, но вто-
рая, спеша, встает. А за ней —
другой затаился враг и тебя
поджидает он. То ли луч сверк-
нет тебе, то ли мрак оплетет
с четырех сторон. Но какая
сила! Какая статъ! Уноенье,
кураж, азарт!.. Лучшие жизнь
за третьей скалой отдать,
чем коня повернуть назад.

МММММ
МММО
XLII

одъехав к молодому

охотнику, монсеньер Гавейн поприветствовал его и сказал:

— О сеньор, пусть Господь, сотворивший вас столь прекрасным, ниспошлет вам счастливый день!

Тот почтительно ответил:

— Хочу заметить, что и вы, рыцарь, необычайно учтивы и хороши собой. Но как вышло, что вы оставили горячку на том берегу? Куда подевался ее надменный защитник?

— Сир, — произнес Гавейн, — рыцарь, на щите которого я заметил крест, сопровождал ее, пока не встретил меня.

— И как вы с ним поступили?

— Я одолел его в поединке.

— А что было с рыцарем дальше?

— Его увез лодочник: он заявил, что рыцарь отныне принадлежит ему.

— Ну что ж, сеньор, умный лодочник рассудил справедливо. Я любил эту девушку, но она не ответила мне взаимностью и не стала моей подругой. Уверяю вас, я не добился от нее ни одного поцелуя. Моя привязанность была для нее невыносима, поскольку я убил возлюбленного девушки, чтобы отнять ее у него.

Красавица не нуждалась в моих услугах и вскоре нашла повод меня покинуть. Она стала подругой того, кого сегодня вы победили в поединке. Это был не простой рыцарь, да поможет мне Бог! И все же он не осмелился сразиться со мной в назначенный час и в назначенном месте.

Но вы одолели его — на такое способен не каждый. А потому и слава о вас достигнет всех уголков земли. А преодолев опасный Брод, вы проявили исключительную доблесть. Поверьте мне, до сих пор этого не сумел сделать ни один рыцарь.

— Сир,— спросил удивленный Гавейн,— значит, девушка солгала, убедив меня, что, как правило, раз в день ее друг перескакивал Брод, чтобы нарвать ей цветов?

— Она утверждала это, проклятая? Да будет Небу угодно, чтобы лгунья сама утонула в реке, ибо она одержима бесом, раз говорит такое! Чертовка возненавидела вас и вознамерилась отпра-

вить прямо на дно, да покарает ее справедливый Господь!

Что касается нас двоих, славный рыцарь, то поклянемся же, что, задавая сейчас друг другу вопросы, мы будем отвечать на них искренне и правдиво, чего бы нам это не стоило!

МММММММ
ММОСХУ

ни поклялись, и монсеньер

Гавейн задал первый вопрос:

— Сир, кому принадлежит город, который я вижу, и как он зовется?

— Друг мой, — отвечал рыцарь, — открою вам правду: город принадлежит мне — так захотел наш Господь. Название его — Оркелан.

— А как ваше имя?

— Гирумелан.

— Сир, вы очень храбры и разумны и являетесь властелином большого королевства. Я много о вас слышал. Но как зовут девушку, о которой везде говорят только плохое, ибо она зла и горда, о чем вы сами упоминали?

— Да, и могу подтвердить, что лучше держаться от нее подальше. Девушка чрезвычайно чванлива и носит имя: Гордая из Логра; это страна, где она родилась и откуда ее увезли в младенчестве.

— А как зовут защитника девушки, которого пленил мой друг лодочник?

— Знайте, что он человек необычный; имя его — Горделивый из Лароша-Узкая Дорога. Этот рыцарь поставлен охранять проход в Гальвию.

— А как называется удивительный замок на том берегу, откуда я прибыл сегодня и где вчера вечером вкушал всяческие яства и пил вино?

МММММММ
ММОСЛII

слышав этот вопрос,

Гиромелан отвернулся, внезапно охваченный горечью, и вознамерился уйти. Но Гавейн оставил его:

— Сир, сир! скажите мне: помните ли вы клятву, которую только что дали?

Гиромелан замер и, покосившись на Гавейна, ответил:

— Да будет проклят тот час, когда я вас встретил и дал эту клятву! Уходите, рыцарь, я возвращаю данное вами слово, а вы верните мне мое, ибо о том, что происходит на другом берегу реки, я намеревался узнать от вас. Но вы осведомлены о замке не более, чем о происходящем, к примеру, на луне, если я правильно понял.

— Сир, — промолвил Гавейн, — ночью я спал там на Чудо-Кровати, роскошной которой, пожалуй, не видывал ни один человек на свете.

— Честное слово, вы чрезвычайно меня удивили! Воистину ваша ложь забавна, и я слушаю ее с таким же удовольствием, как слушал бы небылицы какого-нибудь сказочника.

Вы — всего лишь шут, я это понял, хотя считал, что передо мной истинный рыцарь, совершивший подвиг. Признайтесь, впрямь ли вы его совершили, и расскажите правдиво о том, что увидели в замке!

ММММММ
ММММММ
LXXVII

онсеньер Габейн

отвечал так:

— Сир, когда я сел на кровать, во дворце разыгралась настоящая буря, клянусь вам: тяжки кровати завизжали, зазвенели все ее колокольчики; запертые окна сами собой распахнулись; в мой щит ударили стрелы с острыми наконечниками.

А чуть позже щит пронзили когти свирепого льва, которого до того долго держали на цепи; его освободил неизвестный мне простолюдин.

Присягаю, что страшный лев бросился на меня, ударив лапами в щит с такой силой, что в нем застряли когти разъяренного зверя. Я предъявляю вам доказательство, сир: взгляните на когти, которые и поныне в моем щите, ибо голову зверя и лапы я успел отрубить, спасибо Господу.

МММММ ММММСС XIII

бедившись, что Гавейн

сказал правду, Гиромелан спешил и, преклонив перед монсеньером колени, взмолился о прощенье.

— Я не держу на вас зла, — сказал монсеньер Гавейн, — поднимитесь с колен: место рыцаря — в седле.

Рыцарь беспрекословно подчинился; он был в сильном смущении и чувствовал себя виноватым.

— Да сохранит вас Бог! — воскликнул он, — воистину я встретил отважного рыцаря, удостоенного великой славы, что случается не чаще, чем раз в столетие. Но довелось ли вам повидать королеву с белыми волосами и спросить ее, кто она и откуда прибыла?

— Я не задавал ей таких вопросов, хотя разговаривал с этой почтенной дамой довольно долго.

— Ну что ж, — вздохнул Гиромелан, — могу вам сказать: она — мать короля Артура.

— Во имя исполнения воли Господа нашего, что вы имеете в виду, сир? Король Артур, как мне известно, давно лишился матери, ведь ему не менее шестидесяти лет, а может быть, и более!

— Однако все, что я сказал, — правда. После того как похоронили Утерпандрагона, отца короля Артура, королева Угерна прибыла в эти края со своими сокровищами и велела построить на скале (она хорошо вам видна) замок, затмивший красотой и роскошью все, что было воздвигнуто до него.

Вы должны были познакомиться там и с другой королевой, утонченной и благородной дамой. Она — бывшая жена короля Лота и мать того, кого сегодня я охотно послал бы в преисподнюю: речь идет о проклятом Гавейне.

МММММ
МММССС
LIII

Гавейном я хорошо

знаком, сир, и могу утверждать, что у него нет матери вот уже лет двадцать. Вы, должно быть, ошиблись.

— Да нет же, она жива, можете не сомневаться в этом! Вместе со своей матерью-королевой она прибыла сюда, нося под сердцем ту, что со временем стала красивейшей в мире девушкой и моей подругой.

Увы, она — сестра человека, которого справедливый Господь должен покрыть позором. Клянусь, Гавейну не сносить головы, ежели я с ним встречусь! Даже заступничество его сестры не поможет: я собственными руками вырву из его груди сердце, — так велика моя ненависть к этому негодяю.

— Воистину, — отвечал монсеньер Гавейн, — ваше чувство отличается от моего: если бы я был влюблен в девушку или даму, то полюбил бы и весь ее род, подтвердив свою преданность честной службой.

— Вы правы, не буду спорить. Но отец Гавейна убил моего отца, и этого мне не забыть. А сам Гавейн отправил на тот свет одного из моих кузенов, достойного и храброго рыцаря. Ничего, придет время, и я отомщу за все.

А сейчас окажите мне услугу: вернитесь в замок и передайте вот это кольцо моей подруге. Скажите ей, что я уверен в ее любви и убежден: она скорей согласится, чтобы ее брат Гавейн умер

в невыносимых муках, нежели захочет лицезреть мою рану, будь то всего лишь царапина на мизинце моей ноги.

Сделайте это, и я буду благодарен вам до конца дней своих.

ММММ
ММММ
СССС

авейн надел кольцо

на палец и сказал:

— Сир, во имя уважения, которое вы мне оказали, ответчу: вашу подругу действительно можно назвать благородной и мудрой, если она соглашается поступать так, как вы от нее ожидаете.

— Сир, — подхватил Гиромелан, — вы окажете мне огромную любезность, уверяю вас, коли доставите кольцо той, которая мне так дорога, что любовь к ней согревает мое сердце.

А в благодарность вот вам название замка: Рош² де Шангин. Там окрашивают изысканные

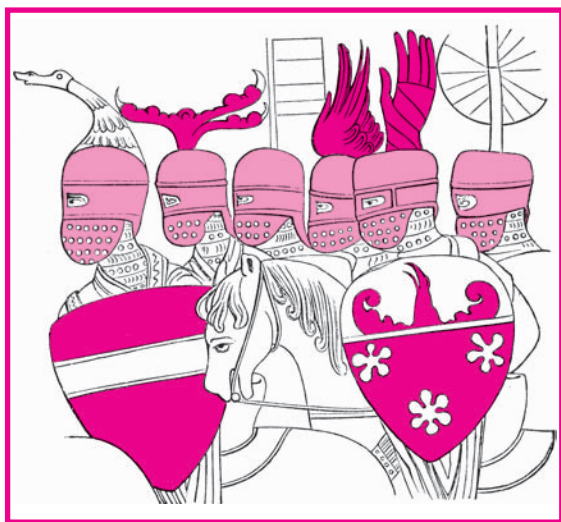
---

² Roche (франц.) — скала.

ткани в зеленый и ярко-красный цвета, а потом успешно продают их.

Итак, я сообщил вам все, что вы хотели узнать, не обманув вас. Вы тоже удовлетворили мое любопытство. Желаете ли спросить что-нибудь еще?

— Нет, сир. Я прошу у вас разрешения удалиться.

Нет, не вод глубоких пугает гладь, не скалистые берега. Но порой довольно себя называть, чтобы приобрести врага. Не страшит ни этот опасный путь, ни объятая мраком даль. Но порой довольно узвидеть суть, чтобы в душу вошла печаль. Хорошо юнцу: он в решениях скор, мир пьянит его, как вино!.. А что знания лишь умножают скорбь, нам известно уже давно.

ММММММ
МММССС
XXVI

остойте! — крикнул

вдогонку Гиромелан, — назовите свое имя прежде, чем я отпущу вас!

— Сир, — отвечал Гавейн, — как правда то, что каждый раз я прошу помощи у нашего Господа, так правда и то, что имя мое — Гавейн!

— Не шутите? Вы — Гавейн?

— Да, я племянник короля Артура.

— Воистину, надо быть или отчаянным смельчаком, или безумцем, чтобы сообщить мне имя, которое я смертельно ненавижу. Жаль, что на мне нет доспехов, и я не держу в руке щит. Будь я вооружен, как вы, сир, ваша голова уже катилась бы по траве, как яблоко!

Но если вы отважитесь подождать меня, я вернусь с оружием, дабы с вами сразиться, и приведу с собой трех или четырех человек, чтобы они судили наш поединок.

Есть, правда, и другой выход: ровно через семь дней мы вернемся на это место вооруженными

с головы до ног. Вы пригласите короля, королеву и свиту, а я — лучших воинов, собрав их по всему краю.

Тогда наш поединок будет проходить без спешки и у всех на глазах, ибо схватка между двумя благородными дворянами не должна быть окутана тайной. А когда один из нас выбьется из сил, и все это увидят, слава победителя возрастет стократ, что будет вполне справедливо.

МММММ
ММММССС
LXXI

ир, — отвечал

монсеньер Гавейн, — я охот-

но удовлетворюсь малым, если это окажется возможным и вас устроит мой отказ от поединка. Я готов принести извинение за зло, причиненное вам, при свидетелях с вашей и с моей стороны, соблюдая кодекс рыцарской чести.

— Не могу понять, — презрительно усмехнулся Гиromелан, — почему вы отказываетесь от поединка со мной? Я предложил не один, а два

варианта, — изберите тот, что вам больше нравится.

Воистину, или ждите меня здесь, пока я схожу за оружием, или со своими людьми приезжайте сюда в Троицын день, как я уже говорил.

Мне известно, что двор короля Артура соберется в Оркании, это в нескольких днях пути от избранного мной места. Ваш гонец передаст послание королю, и тот позаботится, чтобы все придворные были в сборе. Направьте туда кого-нибудь из слуг, — с вашей стороны это будет мудрым решением, ибо один день отдыха, как известно, дороже денег.

— Да сохранил меня Бог! — воскликнул Гавейн. — Двор действительно соберется в Оркании, вы не ошиблись. Клянусь, что отправлю гонца ко двору короля Артура завтра же, а может быть, и прежде, чем крепкий ночной сон сомкнет мои веки!

— Гавейн, — сказал монсеньеру рыцарь, — я поведу вас к самому красивому месту в мире. Но чтоб добраться до него, надо преодолеть реку. А она настолько быстра, широка и глубока, что ни одно живое существо не сможет ни перескочить через нее, ни перейти ее вброд.

Монсеньер Гавейн ответил противнику:

— Ни за что на свете не стану я искать бродили мост, чем бы мне это ни грозило. Иначе у спесивой девушки будут все основания обвинить меня в трусости. А теперь мне пора исполнить данное ей обещание. До встречи, Гиromелан!

разогнал коня, и тот, как птица, перенесся на противоположный берег.

Увидев, что монсеньер вернулся, девушка, говорившая с ним столь грубо, привязала своего коня к дереву и поспешила навстречу Гавейну. Ее настроение странным образом изменилось: радостно поприветствовав рыцаря, она заявила, что раскаивается в своем дурном поведении и просит простить ее.

— Дорогой сеньор, — сказала красавица, — выслушайте, почему я вела себя так чванливо и враждебно со всеми рыцарями, мечтавшими завоевать мое сердце. Тот, кто беседовал с вами

на том берегу, — да покарает его Бог! — полюбил меня без всякой надежды на взаимность.

Он вверг меня в глубокую печаль, убив моего возлюбленного. После этого негодяй постарался окружить меня заботой и вниманием, чтобы я полюбила его из благодарности. Но и лаской он ничего не добился: воспользовавшись первым же удобным случаем, я сбежала от него с рыцарем, которого сегодня вы победили в поединке. Признаюсь, этот рыцарь был мне также безразличен, и я не стану горевать о нем.

Гибель возлюбленного помрачила мой разум. Вот почему я была так груба и никогда не пыталась узнать имя того, над кем издевалась. И я делала это вполне сознательно, надеясь встретить горячего и необузданного рыцаря, которого смогу разозлить настолько, что он растерзает меня, придя в ярость.

Каждое мгновение я молю Господа о смерти. Убейте меня, храбрый рыцарь, покарайте меня жестоко, чтоб ни одна девушка, оказавшись в моем положении, не осмеливалась оскорблять рыцарей, как это делала я!

— Красавица, — отвечал Гавейн, — зачем мне вас убивать? Да не допустит Сын Божий, чтобы я причинил вам хоть малейшее горе! Са-

дитесь на коня, и мы отправимся в замок. Смотрите, нас уже ждет мой друг-лодочник, дабы перевезти на другой берег.

— Я с радостью сделаю все, о чем вы попросите, сир,— промолвила девушка.

МММММ
МММСМ
LXXIV

на села верхом на

маленького боевого коня с длинной гривой, и вскоре Гавейн с девушкой подъехали к лодочнику, который переправил их на другой берег, гребя легко и без усталости.

Приближению лодки весьма возрадовались дамы, живущие во дворце и просто обезумевшие от горя, когда монсеньер Гавейн внезапно уехал. Счастье всех обитателей замка было воистину велико.

Королева, ни на минуту не отходившая от окна с тех пор, как Гавейн покинул пределы замка, возликовала, увидев его в лодке. Она возвестила своих служанок о начале праздника и приказала

им встретить гостя изящными танцами и благозвучным пением.

Сойдя на берег, Гавейн изумился великолепному зрелищу, которое ему открылось. Спешившись, он поспешил к хороводу поющих девушек, похожих на свежие благоуханные цветы, распускающиеся весной возле чудесного дворца.

Дамы и обе королевы бросились на шею победителю, целуя и расточая всевозможные комплименты. Чествуя защитника, они в то же время освобождали его от доспехов, нарукавников и поножей.

Что до той, которая была рядом с ним, — ее встретили приветливо и радушно, поскольку она пришла сюда вместе с блистательным монсеньером Гавейном.

МММММММ
МММММММ

хваченные ликованием,

все отправились во дворец. Монсеньер Гавейн, взяв за руку сестру, усадил ее на Чудо-Кровать подле себя и прошептал на ухо:

— Прекрасная госпожа, я привез вам с противоположного берега кольцо с изумрудом, сверкающим, как звезда. Его прислал некий рыцарь, утверждающий, что любит вас и что вы отвечаете ему взаимностью.

— Сир,— отвечала она,— пожалуй, я согласусь принять его слова на веру. Но если я и питаю к нему нежные чувства, то это еще не означает, что я стала его подругой.

Вы должны знать, что рыцарь, о котором вы говорите, меня никогда не видел, а я, в свою очередь, могла лишь наблюдать за ним время от времени из дворцового окна. Но он давно посвятил себя мне, и я ему за это благодарна, а потому готова ответить взаимностью, о чем известила его посланников.

— Но рыцарь похвастался, что вы скорее предпочтете увидеть смерть монсеньера Гавейна, нежели маленькую царапину на мизинце ноги своего возлюбленного.

— Ну, это уж слишком, сир! я весьма удивлена, что он произнес такую глупость. Господь — свидетель, я не думала, что рыцарь столь дурно воспитан. Просто безумие — утверждать, что я способна болтать подобное! Он не знаком с Гавейном, а меня никогда не видел... Гиромелан солгал, ибо, видит Бог, я не желаю зла ни себе, ни брату.

Ты вернулся, рыцарь. Горит закат, преобразя лазурь в кармин. Но сестра не знает, что ты ей — брат, мать не знает, что ты ей — сын. Вас троих друг с другом свела судьба неслучайно и неспроста. И еще не поздно назвать себя, распечатать свои уста. Выкупай — оставленное в залог — счастье матери и сестры!.. Но упрямей, давший себе зарок, не нарушил своей игры.

МММММ
МММММ
XLIII

Лесга их была тихой,

но такой оживленной, что пожилая королева, всерьез озаботившись, сказала дочери:

— Дорогое дитя, приглядитесь повнимательнее к сеньору, сидящему рядом с моей внучкой! Он все время что-то шепчет ей на ухо. Не могу сказать, что меня это сильно огорчает, поскольку рыцарь избрал в собеседницы самую привлекательную и умную девушку во дворце. Да будет угодно Богу, чтоб храбрец женился на ней и чтобы она ему подошла, как Лавиния подошла Энею!

— Ах, госпожа моя, — отвечала другая королева, — да ниспошлет ей Бог умение так расположить к нему свое сердце, чтобы они стали друг другу ближе, чем брат и сестра, превратившись в единое целое!

ММММ
МММММ
L&V

представьте себе,

благородная дама желала, чтоб рыцарь полюбил ее дочь и взял девушку в жены! Но мы не можем осуждать королеву за это: она ведь не узнала в великодушном и храбром герое своего сына.

Пока только нам и Гавейну известно, что девушка и молодой смельчак действительно будут близки, как сестра и брат: иная любовь между ними невозможна.

Когда тайна раскроется, мать монсеньера Гавейна, конечно, возрадуется, хотя совсем по другой причине, но об этом — чуть позже.

Вернемся же к нашему герою. Переговорив с сестрой, монсеньер Гавейн поднялся и подозвал молодого человека, показавшегося ему сообразительнее и смелее остальных юношей. Рыцарь спустился вместе с ним в комнату, где никто не мог помешать их беседе.

ММММ
МММММ
LXXXIV

ак только оба

остались наедине друг с другом, Гавейн сказал:

— Я вижу, юноша, что ты смел, умен и сообразителен. Доверю тебе тайну, но храни ее пуце собственного ока, это в твоих интересах. Я хочу отправить тебя туда, где ты будешь прекрасно принят.

— Сир, пусть мне вырвут язык, если я хоть кому-нибудь проболтаюсь о вашей тайне!

— Так вот, ты, не теряя времени, поскачешь к моему сеньору, королю Артуру. Я — его племянник, имя мое — Гавейн. Дорога будет длинной и опасной, ибо город, куда король поедет на Троицу со своими придворными, находится в Оркании.

Если в пути ты изрядно потратишься, можешь рассчитывать на меня. Добравшись до короля, ты, конечно, застанешь его в печали. Но когда передашь ему от меня привет, он сразу возрадуется, как, впрочем, и все придворные.

Ты же скажешь королю, что я умоляю его явиться со всем двором не позже, чем через пять дней, к башне этого замка. Я вызвал на поединок рыцаря, который презирает меня так же, как я презираю его. Это Гиromелан, пылающий ко мне смертельной ненавистью.

А еще попросишь королеву, чтобы и она прибыла сюда во имя тех обязательств, которые нас связывают, ибо она — моя госпожа и друг мой. Уверен, благородная королева обязательно исполнит мою просьбу. Пусть возьмет всех почтенных дам, а также девушек, которые в этот день окажутся при дворе.

Но боюсь, что у тебя нет быстрого скакуна, и тогда твой путь будет невероятно долгим.

ММММ
МММММ
СХХХVII

олодой человек

ответил, что такой скакун у него есть и сеньору не о чем беспокоиться.

— Это меня утешает, — обрадовался Гавейн.

Молодой человек подвел монсеньера к конюшне, откуда вывел крепких скакунов, отдохнувших и готовых к длительной дороге: их только что подковали. Не было недостатка и в уздечках, седлах и прочей необходимой амуниции.

— Воистину, юноша, — сказал монсеньер Гавейн, — экипирован ты исправно. Иди же, и пусть Король всех Королей не оставит тебя, и дай тебе Бог не сбиться со своего пути.

ММММ
МММММ
CLV

акими словами

напутствовал Гавейн молодого гонца. Проводив его к реке, рыцарь попросил лодочника перевести юношу на тот берег. Лодочник сделал это без особого труда и усталости, поскольку взял себе сильных и умелых гребцов.

А посланник Гавейна, перебравшись через реку, направился напрямиком в Орканию. Кто умеет спрашивать, как пройти, доберется и до края света, поверьте!

Вернувшись во дворец, монсеньер Гавейн отдохнул и восхитительно провел время, ибо все, от мала до велика, старались ему угодить.

Королева приказала нагреть воды в пятистах чанах и велела собрать всех молодых людей, чтобы они как следует выкупались. Для них сшили новую одежду, в которую юноши облачились, когда тела их стали чистыми. Она сверкала золотой вышивкой и была отделана горностаем.

В этой одежде молодые люди стояли в церкви до самой заутрени, и никто из них не пожаловался на усталость.

А утром монсеньер Гавейн лично прикрепил каждому юноше шпору к правому сапогу; пристегнул к ремню меч и каждого легонько ударил своим мечом по плечу, как это делается, когда посвящают в рыцари. С тех самых пор Гавейна всегда сопровождали пятьсот новоиспеченных рыцарей.

МММММ
МММММ
СLXXXIX

то до гонца, то он

вскоре добрался до Оркании, где расположился со своим двором король Артур, как и было заведено, в праздник Троицы.

Калеки и те, кого коснулся Антониев огонь, наблюдая за стремительно скачущим юношей, говорили:

— Этот незнакомец очень спешит. Понятно, что он везет ко двору необычное известие и что прибыл издалека. Но короля он найдет печальным и ушедшим в себя, ибо сердце правителя преисполнено скорби. Кто теперь, когда нет монсеньера Гавейна, сможет дать королю хороший совет, если гонец сообщит ему нечто удивительное?

— Полно! — возражали другие. — Какое нам дело до совета, который могут дать королю? Мы слишком растеряны, мы в отчаянии, ибо потеряли того, кто по воле Божией всех нас кормил, одевал и творил добро своим милосердием и щедрыми подаяниями.

ММММ
МММММ
ССХII

от так оплакивали

бедняки города пропавшего монсеньера Гавейна: они его безмерно любили!

А гонец, не потративший впустую ни одной минуты, наконец добрался до короля, восседающего на троне среди графов, герцогов, а также других королей.

Король Артур невыносимо страдал, поскольку среди знатных и пышно одетых придворных отсутствовал тот, кого он любил всем сердцем, — отважный и мудрый Гавейн.

В конце концов, отчаяние короля достигло своей наивысшей точки, и он потерял сознание.

Поверьте, каждый придворный норовил подбежать первым, дабы помочь своему властителю. Госпожа Лор, находившаяся в галерее, услышала крики, доносящиеся из зала. Она стремительно сбежала вниз и кинулась к королеве. Потрясенная растерянным видом придворной дамы, королева немедленно захотела узнать, что же произошло...

Многомочие стабим, по-
скольку врасплох смерть
застала Кретьена,
строку обрывая. Кто теперь
нам расскажет, хороши или
плохи путь Гавейна отважного
и Персеваля?.. А конь в каплях
крови? А дивный Грааль? А дво-
реи, озаренный мерцанием рас-
света?.. Ты отныне, читатель,
и сам — Персеваль: не спросил —
и остался навек без ответа.
Но, как прежде, на волю, где
вьюга сечет, где, движение за-
метив, снижается кричит,—
ветер странствий из отчего
дома влечет... Слава или забве-
ние? Чет или нечет? И, сразив
в поединке противника, вновь

рыцарь скачет к таинственной башне, откуда темнокрасную розу бросает Любовь, что одна лишь, возможно, и верила в чудо. Тот — счастливец, кто битвами жизнь сократил, не сменяв на покой вожделенные дали, где с востока на запад светило светило проплывает, горя, словно Чаша Грааля...

Содержание

В. Татаринов. От издательства 5

Кретъен де Труа. Персеваль.

Прозаический пересказ И. Евсы 10

